Никто, кроме нас! Российский спецназ!
СПЕЦНАЗ
АЛЬБЕРТ
БАЙКАЛОВ
НАС
УЧИЛИ
РИСКОВАТЬ

Альберт Байкалов

Нас учили рисковать

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2377035
Нас учили рисковать: Эксмо; М.; 2011
ISBN 978-5-699-50984-3

Аннотация

Командиру группы спецназа ГРУ, полковнику Антону Филиппову, становится известно, что банда чеченских боевиков готовит серию террористических актов в Москве с использованием женщин-шахидок. Спецы выясняют, что теракты проведут две группы боевиков. И Филиппов разрабатывает крайне рискованную операцию, суть которой в том, что в одну из банд под видом воинов джихада внедряются офицеры-чеченцы Джин и Шаман. Очень скоро они стали авторитетами среди боевиков, а Джин даже получил управление над группой шахидок. Остальное, как говорится, дело техники...

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 18
Глава 3 30
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Альберт Байкалов
Нас учили рисковать

Глава 1

– Гайрбек, неужели ты считаешь, что у тебя есть выбор? – Вахид Джабраилов по прозвищу Джин ударил основанием рукояти АПС по надетой на голову офицера милиции наволочке. Видимо, в этот раз попал в переносицу. На белоснежной материи появилось брусничного цвета пятно, которое стало быстро увеличиваться в размерах, вытягиваться книзу, и, наконец, на грудь чеченца полилась кровь.

Вновь, почувствовав своим женским сердцем недоброе, запричитала в соседней комнате жена Гайрбека.

На нее тут же цыкнул Дрон, и она умолкла, словно резко выключенное из сети радио.

– Э-э, – протянул Шаман, – да у него нос совсем слабый. Дохлый ты мент!

Шамиль Батаев, по кличке Шаман, был капитаном спецназа, но сейчас играл роль правой руки Джина, который выдавал себя за руководителя небольшой банды. Оба офицера-чеченца были одеты в самодельные разгрузочные жилеты. Голову Шамана украшала повязка с арабской вязью. Джин был в кожаной, сшитой по форме тюбетейки шапочке, а на его широком армейском ремне висел инкрустированный серебром кинжал. Выдававшие себя за бандитов разведчики уже несколько недель не брились. Тяжело убедить обычного человека, что перед ними представители ГРУ, а не спустившиеся с гор моджахеды.

– Били его недавно, все сломали! – тихо запричитала жена, прижимавшая к себе двух малолетних ребятишек. Она несколько раз порывалась прийти на помощь мужу. Однако крепко сложенный, в надетой на лицо маске с прорезями для глаз и рта человек, стоявший в проходе, попросту отшвырнул ее в угол и на плохом чеченском попросил не делать мужу хуже. Дом стоял почти на окраине селения, поэтому «бандиты» не особо церемонились.

Для этой чеченской семьи наступившая ночь казалась адом. Они наверняка в душе прощались с жизнью и были страшно напуганы. И кто мог подумать, что старший оперуполномоченный МВД России Гайрбек Куциев просто приглянулся руководству всесильного ГРУ и сейчас проходил жесткую проверку на прочность? Жестоко, страшно и бесчеловечно. Но по-другому нельзя. На карту поставлено слишком много. Если все сложится хорошо и Гайрбек пройдет все испытания, проверки и тесты, ему будет предложено продолжить дальнейшую службу в составе группы подполковника Филиппова вместо погибшего месяц назад старшего лейтенанта Истропилова. Первого встречного на такую работу не возьмешь. Вот и приходилось немного побыть палачами… Аналитический отдел ГРУ и местное УФСБ предложили несколько кандидатов, подходящих, по их мнению, на должность разведчика-диверсанта. Но последнее слово за теми, с кем этот человек будет в дальнейшем работать.

– Гайрбек, все, что от тебя требуется, это выпустить сейчас моего брата, взять деньги и спокойно жить дальше, – завел старую пластинку Джин. – Подумай о семье.

– Я думаю о ней, – глухим голосом, захлебываясь кровью, проговорил милиционер. – Как я буду потом смотреть в глаза своим сыновьям? Пусть знают, лучше принять смерть, чем стать предателем. Ведь ты тоже чеченец и не хуже меня знаешь наши законы…

– Э-э, – вновь протянул Шаман. – Кто кормить их будет, одевать, нянчить твоих внуков? А так скажешь – убежал, и все…

– Ты совсем тупой, да? – неожиданно вскипел лейтенант. – Он факир, да? Сквозь стены ходит?

– Бросайте его в машину, в лесу поговорим, – сказал рослый бандит в маске. – Скоро рассвет.

Отчего-то он больше всего вселял ужас в бедную женщину. Она понимала, это был русский. Они не приезжают в Чечню просто так… В основном это очень страшные люди, которые прячутся здесь от закона. Чтобы выслужиться перед чеченцами и заработать хоть какой-то авторитет, они готовы на любые преступления.

Эти пятеро ворвались в дом, когда было уже далеко за полночь. Причем вошли обманом. Один стал причитать, что к его родственнику пришли двое с оружием и мешками, требуют продукты. Лейтенант Гайрбек Куциев был заместителем начальника только организованного в Центора Юрте ОВД. За два дня до этого, в ходе специальной операции, ему и его коллегам удалось задержать эмиссара полевого командира Сайпуддина, который отправил юношу в соседнее селение. Цель неизвестна. Задача, с которой он шел туда, была не ясна. Паренька решили не отправлять пока в Чернокозово, где располагался следственный изолятор и соответствующие структуры, а попытаться разобраться с этими вопросами на месте. Приложили максимум усилий, чтобы скрыть факт задержания. Была вероятность, что сработает кто-то из информаторов. Содержался эмиссар в здании отделения, обнесенном высоким металлическим забором, под охраной дежурного и одного постового. Но никакие меры предосторожности не помогли, и «бандиты» все-таки пришли.

– Скоро будет тяжело уйти незамеченными, – русский посмотрел на часы. – Уже светает.

Джин и Шаман, не сговариваясь, подхватили истекающего кровью милиционера под руки, протащили через комнату к дверям, выволокли во двор и забросили в открытую дверь багажника «Нивы». Крик женщины был остановлен прижатым к губам пальцем в беспалой перчатке рослого русского:

– В твоих интересах, женщина, сейчас просто молчать…

В трех километрах от села машина свернула в лес. По кузову застучали ветки. Сидевший за рулем Шаман вопросительно посмотрел на русского. Тот лишь кивнул, и он надавил на тормоз. Гайрбека снова выгрузили из машины и бросили на землю. Джин наступил ему на ногу и приставил ко лбу пистолет.

– Ты не передумал?

– Стреляй, – отрешенно ответил милиционер.

Джин вопросительно посмотрел на русского, который уже стянул с головы маску с прорезями для глаз и рта. Подставив лицо утреннему ветерку, он наблюдал за тем, как набухает розовым свечением восток. У него были серые глаза, прямой нос, волевой подбородок и слегка влажные, пепельного цвета волосы.

– Все, шоу окончено, – почувствовав на себе взгляд Джина, сказал он.

Джин присел перед милиционером на корточки:

– Извини, Гайрбек. Только что ты подвергся жесткой, но необходимой в наше время проверке.

Шаман стянул с головы несчастного наволочку, развязал руки. Милиционер некоторое время смотрел на странного русского, потом на своих истязателей ничего не понимающим взглядом. Наконец, с трудом шевеля языком, выдавил из себя:

– Значит, вы не бандиты?

– Ты угадал. – Антон Филиппов по кличке Филин протянул руку и помог ему встать.

Однако от долгого нахождения в одном и том же положении Гайрбек не удержался на ногах, и его едва успели подхватить Джин и Шаман.

– Если вы не бандиты, тогда кто? – глядя снизу вверх на Антона, спросил милиционер, безошибочно угадав в нем старшего.

– Спецназ, – лаконично ответил за командира Джин. – Сейчас ты пойдешь домой. Скажешь, что тебе удалось убежать. А завтра мы расскажем, для чего был устроен весь этот цирк.

– Только запомни, Гайрбек, жена ничего не должна знать, – строго предупредил Антон.

– Почему я должен вам верить? – утирая запекшуюся на подбородке кровь, спросил Гайрбек.

– У тебя не остается выбора, – разглядывая разбитое лицо чеченца, ответил ему Антон.

– Вы понимаете, что пришлось пережить моей семье? – неожиданно вспылил Гайрбек.

Антон схватил его рукой за горло, ловко сдавил и вынудил медленно вновь опуститься на корточки:

– Запомни: лучше пусть одна семья переживет подобный кошмар, чем вся твоя республика. Мы работаем жестко и практически не допускаем ошибок. Когда-нибудь ты поймешь, что присутствие жены и детей при издевательствах над тобой принесли больше пользы, нежели вреда.

– Шеф, это Дрон, – раздался голос в портативной станции, висевшей на левой половине груди Филиппова. – Жена куда-то пытается бежать. Кажется, собирать родственников. Я уже с трудом поймал старшего сына…

– Иди, Гайрбек, – Антон разжал пальцы. – Завтра обо всем поговорим.

* * *

Зарема нащупала в темноте крепкую и тяжелую руку Хусейна, осторожно, словно ребенка прижала ее к груди и мечтательно закрыла глаза. Когда-то все это кончится и у нее родится малыш, потом еще… Хусейн обещал сделать Зарему счастливой. Еще он сказал, что у них будет все как у людей. Если мужчина говорит, значит, так этому и быть. Конечно, они совершили страшный грех, но уже ничего нельзя вернуть назад. Просто надо молиться и просить прощения у Аллаха.

В блиндаже было темно, пахло пылью и немытыми телами. Громко храпел за перегородкой Садо. Снова закашлял Тархан.

«Как они устают, – с нежностью подумала она об этих сильных и мужественных людях, борющихся с русскими оккупантами. – Каждый день рискуют своими жизнями, месяцами не видят близких…»

В отряде из семи моджахедов она одна женщина. Но все знают: Зарема принадлежит только ему, Хусейну, который похитил ее из родового села Дай. Впрочем, все происходило по обоюдному согласию. Они любили друг друга с детства. Он, голубоглазый, сильный юноша, и она, хрупкая, кроткая девушка, приходились друг другу дальними родственниками. Никто бы не дал им быть счастливыми. Заподозрив неладное, тетка стала следить за ней, но Зарема оказалась хитрее. Когда вечером, на улице селения, остановился черный «БМВ», она нырнула на заднее сиденье, и больше ее никто не видел. Правда, переезд дался с трудом. Они долго ехали на машине, потом на лошадях, а несколько последних километров пришлось идти пешком. Зарема знала, что ее ждет. Хусейн сказал, что пять лет не выпускает из рук оружия, но это еще сильнее заставило биться ее сердце. Она мечтала во всем помогать Хусейну и восхищалась его мужеством и силой.

Пока было тепло, они жили в горном ауле, расположенном на склоне горы у границ летних пастбищ. Люди давно покинули его. В двух уцелевших домах оставались доживать свой век старики, которых изредка навещали родственники. Они привозили продукты, керосин и дрова. Хусейн обустроил брошенное жилище, состоявшее из двух комнат. Полом ему служила крыша расположенного ниже дома. Электричества в ауле не было, и Зарема рано ложилась спать. Хусейн приходил почти каждую ночь. Хотя иногда пропадал надолго. Два

дня назад он появился еще до захода солнца и был чем-то встревожен. С ходу приказал собираться. С наступлением сумерек они покинули аул. Двигались в направлении равнинной части. Сначала по каменистой дороге, потом свернули в лес.

Было уже совсем темно, когда они прошли вдоль ручья, поднялись немного в гору и встали. Хусейн присел на корточки. Раздался стук. Через мгновенье у его ног зашевелилась земля, и Зарема с ужасом увидела, как открылась какая-то крышка. Из образовавшегося прямоугольного люка возник силуэт человека. Хусейн помог ей спуститься вниз и спрыгнул следом. Они прошли по узкому проходу и оказались перед сложенной из бревен стеной. Чуть позже она узнала, что это нехитрое сооружение в случае взрыва в проходе гранаты защитит находившихся в блиндаже людей от осколков. За ней располагалось перегороженное брезентом помещение. В первой половине, за длинным, сколоченным из досок столом сидели несколько бородатых мужчин. Двое играли в нарды, один точил нож. Глядя в пол, Зарема прошла за своим возлюбленным в дальний угол. Здесь, за куском железа от сбитого вертолета и ковра, ее Хусейн свил для них гнездышко. Ей было страшно и стыдно в первую ночь на новом месте. Он рычал от удовольствия, мял, терзал своими сильными ручищами ее упругое девичье тело, а ей казалось, что остальные моджахеды слышат и смеются. Зарема никогда не могла представить, что это произойдет с ней в такой обстановке. Но когда на следующий день она вышла из своей небольшой комнатки, то поняла, что до них никому нет дела. Она чувствовала, что ни один из моджахедов не глядел на нее с насмешкою. Нет, она не падшая женщина – она жена Хусейна и пойдет с ним до конца…

Зарема проснулась от того, что ей стало холодно. Она осторожно провела рукой рядом с собой. Хусейна не было. Сквозь щели прорывался бледный свет керосиновой лампы. Значит, все уже встали. Как она не почувствовала, что Хусейн вышел?

«Наверное, он вставал осторожно, чтобы не потревожить мой сон», – с нежностью подумала Зарема и села.

– Кто пойдет за водой? – раздался голос Тархана.

– Какая разница? Вчера я ходил, – ответил кто-то.

Зарема нащупала лежащее рядом платье и стала на ощупь одеваться. Повязав на голове платок, она еще некоторое время размышляла, как быть. Моджахеды громко обсуждали, что готовить на завтрак. Зарема спустила ноги на пол и встала. Однако, сколько она ни прислушивалась, голоса Хусейна не различила. Неожиданно ей стало страшно. А можно ли ей одной пройти мимо мужчин? Наконец, собравшись с духом, она сдвинула полог в сторону, прошла между нар, не поднимая головы, проскользнула через блиндаж и нырнула за стенку, в проход. Наверху было еще темно.

– Зарема! – строгий голос Хусейна заставил ее замереть. – Ты куда?

– Надо умыться, – тихо, словно стыдясь, проговорила она и украдкой бросила взгляд на силуэт караульного у дерева.

Хусейн промолчал. Он прошел с ней до ручья, молча покусывая веточку от дерева, дождался, когда она умоется, вернулся с нею обратно. К удивлению, в их каморке горела подвешенная к потолку «летучая мышь».

Зарема стала убирать постель.

– Сейчас намаз, потом кушать будем. – Хусейн развернулся к выходу. – Я тебе сюда принесу.

Его голос ей показался странным.

– Может, мне приготовить завтрак? – осторожно спросила молодая женщина.

– Не беспокойся, этим есть кому заняться, – с нотками недовольства в голосе ответил он и вышел.

Едва взошло солнце, как над головой моющей у ручья руки Заремы словно пополам треснуло небо. Раздался страшный грохот и свист, от которого похолодело в груди.

«Аллах решил наказать меня за грех!» – первое, что подумала Зарема.

Она втянула голову в плечи, однако в следующий момент набралась смелости и посмотрела вверх. Почти цепляя верхушки деревьев, вдоль ущелья пронеслись два самолета. Они красиво взмыли вверх, засеребрившись на солнце. Еще немного, и от них отделились и полетели в разные стороны звездочки тепловых ловушек. Постепенно обе машины растворились в затянутом дымкой небе.

Зарема направилась к блиндажу. Спустившись в лаз, она почувствовала сильный запах пыли. Пройдя по коридору, встала как вкопанная.

В свете двух керосиновых ламп, гремя оружием, спешно одеваясь и собирая вещи, метались моджахеды. Лица были злыми. Отовсюду раздавались слова «собаки», «кафиры».

Зарема ничего не могла понять и стояла у входа, глядя себе под ноги.

– Чего ты ждешь? – неожиданно рявкнул на нее Хусейн. – Убираться надо отсюда! Еще немного, и здесь будут русские собаки. Ты видела, сейчас пролетели два самолета?

Молодая женщина кивнула и втянула голову в плечи.

– Они наверняка обнаружили нас. Это разведчики, – продолжал он быстро вводить ее в курс дела. – Долго объяснять, но для них мы были как на ладони, хоть и сидели под землей как мышки…

Зарема поняла, что требуется от нее, и бросилась укладывать свои нехитрые пожитки. Она догадалась, что моджахеды по каким-то причинам сразу оставляют место, над которым пролетает русская авиация. Уже через полчаса они быстрым шагом уходили по ручью вверх. Вода была ледяной и доставала до щиколоток. На мужчинах были ботинки с высоким берцем. Зареме дали резиновые сапоги. Они были такие большие, что в один можно было всунуть обе ее ножки. Но ничего не поделаешь. Зарема тащила сумку. Хусейна словно подменили. Он даже не смотрел в ее сторону, хотя она едва передвигала ногами. Хусейн шел впереди отряда и о чем-то быстро говорил. Вскоре вышли на склон горы, с которого можно было различить впереди крыши домов какого-то селения. Зарема поняла, что они направляются туда. Солнце выползло в зенит, когда они спустились в овраг и пошли по его руслу вверх. В самом начале деревья и кустарник на его кромках, свисая, касались друг друга, образуя ажурный навес, надежно скрывающий людей от глаз пилотов.

– До темноты отдохнем здесь, – объявил Хусейн, бросил под ноги рюкзак, сверху положил автомат и стал расстегивать разгрузочный жилет. – Днем соваться в село опасно.

Зарема устало опустила на землю сумку.

Моджахеды расселись кто где. Кто-то разулся, чтобы поменять носки. Двое пошли за водой. Молодая женщина стояла чуть в стороне, не зная, что делать. Между тем Хусейн остался в одной камуфлированной куртке и штанах. От него шел пар.

– Я приготовлю поесть, – робко пообещала она Хусейну. Ведь он был голоден.

Однако вместо слов благодарности он схватил ее за плечо и повел в заросли орешника. Зарема ничего не понимала. Неужели что-то сделала не так и сейчас он будет ее бить? А может, невольно задержала взгляд на другом мужчине? Однако, отойдя от лагеря на приличное расстояние, он резко развернул ее к себе спиной, задрал узкое платье, нагнул и грубо вошел сзади. Она вскрикнула и закусила губу. По щекам покатились слезы, но он не мог их видеть. Она терпела. Наверное, все мужчины ведут себя так с женщинами…

Весь остаток дня они ничего не ели. Из-за близости селения огня тоже не разводили. Хусейн всучил Зареме «Сникерс», и все. Она сидела, поджав ноги, и, затаив дыхание, ждала, когда он посмотрит на нее. Но Хусейн словно забыл о ее существовании. Ей стало страшно.

Самолетов больше не было. Когда на горы стали опускаться сумерки, они снова пошли. По обрывкам фраз Зарема поняла, что где-то рядом есть место, где их ждут.

Уже в темноте они вошли в небольшое селение. Зарема не знала его названия и впервые была здесь. Во втором от края доме им открыли ворота.

– Гурно, эта женщина и еще двое моих людей поживут у тебя пару дней. Потом я заберу их. Хорошо? – спросил Хусейн невысокого, одноглазого мужчину. Тот лишь кивнул. Было видно, он не ждал гостей, а тем более таких, которые придут с оружием.

Во дворе появилась женщина. Она спросила, как зовут Зарему, и отвела в дом.

* * *

Мухханад Мурадов сидел на свернутом в несколько раз куске брезента и любовался рассветом. Его завораживало то, как меняют цвета и оттенки окружающие горы, светлеет небо и гаснут последние звезды. Склон был крутой. С непривычки, а он это знал, не каждый осмелится глядеть вниз. Здесь, даже сейчас, осенью, когда еще пожухлая трава цепляется за скудные клочки земли, очень тяжело подняться. Что будет зимой, когда он обледенеет? Далеко внизу извивалась мутной змеей Асса, неся свои воды в Аргун. Аул, в котором Мухханад жил третьи сутки, располагался за его спиной, еще выше. Правда, беспорядочное нагромождение из камней тяжело назвать домами. Лет двадцать назад здесь было несколько жилищ, которые использовали пастухи. Но время и селевые потоки разрушили их. Во времена Шамиля на этом месте возвышалась сторожевая башня. Сейчас от нее осталось лишь основание и небольшая, высотою в пару метров стена, вокруг которой рос непролазный кустарник.

Люди давно ушли отсюда. Лишь по весне в эти края поднимаются пастухи со своими небольшими отарами. Здесь быстрее, чем в низине, зеленеет трава. Четыре дня назад пришли они, трое моджахедов. Никто не понимал, зачем Доку Умаров приказал поселиться здесь. Но раз сказал, значит, так надо, и Мухханад ждал. Обычно всегда моджахеды знали задачу. А в этот раз находились в неведении. Может, Доку совсем плохой и просто бредил, отправляя их сюда? Ни для кого не секрет, что израненный и больной командир сильно сдал. Кто знает, что у него сейчас в голове? Им давно уже многие недовольны. А, может, все-таки есть здесь какая-то тайна?

Мухханад огляделся по сторонам, пытаясь найти хотя бы намек на ответ в нагромождениях серых камней, кустиках барбариса и остове старой башни. Нет, не больное воображение Доку стало результатом его приказа. Ведь не зря, вопреки сложившимся правилам пользоваться радиостанциями и спутниковым телефоном лишь в экстренных случаях, помощники Доку несколько раз выходили с ним на связь. Они спрашивали, все ли у Мухханада в порядке и не изменилась ли обстановка.

Так или иначе, но Мухханаду здесь было легко и спокойно. Видимо, близость к небу так влияла на его самочувствие. Несмотря на промозглые ночи и ветра, никто не болел. Они с утра и до вечера играли в нарды, молились, просто говорили и ждали… Вчера над ущельем пролетели вертолеты, и Мухханад смотрел на них сверху.

Мухханад был арабом. Он пришел в Чечню, мечтая стать таким же известным, как Хаттаб. Но двух Хаттабов не бывает, а среди чеченцев много хороших воинов. В конце концов Мухханад понял, что все выходцы из эмиратов были нужны здесь для того, чтобы люди думали, будто против кафиров воюет весь исламский мир. А на самом деле, любой чеченец мог то, что могли они. Постепенно Мухханад расстался с мыслью занять высокое положение и приобрести известность. Да и к чему она сейчас в этой республике? Каждый день умирают его братья. Уже не выступают так смело перед видеокамерами, не берут на себя ответственность за акции…

Сзади послышался едва различимый слухом звук осыпающихся камушков. Он вяло обернулся. Из руин вышел и направился к нему Расу Асланов. Он был невысокого роста, без двух передних зубов. В руках держал отшлифованные до блеска четки. Смолянистая борода

с одной стороны слежалась, с другой черные волосы трепал ветер. Глаза были красные, как у Шайтана.

– Не спится, брат мой? – улыбнулся виду чеченца Мухханад.

– Собачий холод, – лаконично ответил моджахед и сел рядом. – Как ты думаешь, сколько нам еще здесь быть?

– Это одному Аллаху известно, – вознеся взгляд к небесам, пожал плечами Мухханад.

– Не скажи, – хмуро возразил Расу. – Доку знает. Почему он отправил нас и ничего не сказал?

– На то его воля, – так же спокойно ответил араб и встал.

– У нас заканчивается еда, – с тоскою в голосе напомнил Расу. – Наверняка придется идти вниз.

– Не придется, – отчего-то уверенный в своей правоте заявил Мухханад и потянулся. Однако тут же присел. Рука нащупала лежавший на брезенте «АКМ».

Расу почувствовал неладное спиной. Он не стал задавать лишних вопросов. В чистом горном воздухе лишь раздался едва уловимый ухом щелчок снятого с предохранителя «АПС», и вот он уже растворился, слился с серыми глыбами камней в паре десятках метров левее того места, где они только что встречали рассвет.

Мухханад знал про тропу, которую не видно с этого места. Именно оттуда послышался звук, какой бывает, когда задевают что-то автоматом. Он с тоскою посмотрел на развалины, где спал Джунид Астамиров. Если идут русские или продажные менты, то обязательно увидят его…

– Здравствуй, брат, – неожиданно поприветствовал его вышедший из-за кустарника Хусейн Вадалов.

– Жизнь в горах превращает тебя в тень, – с трудом пытаясь скрыть охватившее вдруг волнение, выдохнул араб и опустил ствол автомата. – Я уже думал, что нас выследили кафиры или кадыровцы, и готов был стрелять. Все эти дни мы здесь как на ладони.

– Нервы, брат мой! – Хусейн подошел к Мухханаду. Они поприветствовали друг друга.

– Как здоровье? – спросил араб, придерживаясь неписаных правил не начинать с ходу говорить о делах.

– Спасибо, хорошо, – Хусейн коснулся правой рукой левой половины груди. – А у тебя?

– Милостив к нам Аллах. Совсем перестал болеть, – сказал Мухханад, зная, что Хусейн видел, как тяжело ему приходилось в Чечне первое время. – Звонил домой, все нормально. Дети растут, ждут отца…

– Дети – это хорошо, – задумчиво протянул Хусейн.

Мухханад забросил ремень автомата на плечо. Он познакомился с Хусейном весной. Тогда Доку собирал у себя полевых командиров, для того чтобы спланировать действия на лето. Потом Мухханад встречался с Хусейном еще раз, когда сопровождал эмиссара Доку с деньгами для боевиков.

– Может, ты мне скажешь, зачем я жил здесь почти три дня? – Мухханад бросил взгляд на пришедших с Хусейном людей. Его удивило, что трое из них, кроме оружия, имели при себе лопаты.

– Здесь спрятана одна ценная вещь, – глядя на то, как выбирается из своего укрытия Расу, заговорил вполголоса Хусейн. – Мы должны были прийти за ней в один день, но обстоятельства помешали мне сделать это. Поэтому извини, если я причинил тебе неудобства.

Из развалин саманного дома появился заспанный Джунид. Протирая глаза, он удивленно озирался по сторонам.

– А твои люди крепко спят, – насмешливо проговорил Хусейн.

– Нас трое; вас, я вижу, шесть человек. Что же здесь может быть такое, чтобы Доку отправил сразу столько людей?

– Причем сделал он это из расчета, что придем мы сюда с разных направлений, – заметил Расу, которому никак не удавалось убрать «АПС» в закрепленную на поясе кобуру.

– Наверное, здесь атомная бомба? – хитро прищурился Мухханад.

– Ты почти угадал, – лицо Хусейна сделалось строгим. Он вынул из нагрудного кармана разгрузочного жилета пластиковый пакет, в котором оказался сложенный вчетверо листок, и огляделся, словно отыскивая взглядом знакомые предметы. Осторожно развернув его, повернул, ориентируя по сторонам света. Потом направился к остову башни. На половине пути встал. Огляделся по сторонам, снова уткнулся в листок.

Заинтересованный действиями Вадалова, Мухханад подошел к нему и заглянул через плечо. В руках Хусейна оказалась нарисованная от руки схема местности, на которой они находились. Между двух треугольников рядом с разрушенной башней был крестик. Не обращая на араба внимания, Хусейн повернулся к своим людям:

– От башни шесть шагов на восток. Видите торчащий из земли камень?

Один из боевиков, грузный, бритый наголо, поискав взглядом место, на которое указал командир, кивнул.

– Рядом еще один. До него пять шагов…

Бритоголовый подошел и встал между ними.

– Где твой человек по имени Джунид? – спросил Хусейн Мухханада.

– Здесь я, – раздался голос стоящего все это время позади них моджахеда.

– Ты знаешь, что делать дальше? – убирая листок обратно в карман, спросил Хусейн.

Мухханад лишь удивленно хлопал глазами. Как так, все это время Джунид был хранителем какой-то тайны и не обмолвился об этом ни словом! Неужели Доку не доверяет ему так, как чеченцу?

Джунид подошел к моджахеду Хусейна:

– Если вы правильно указали место, то я должен пройти от него на восток семь шагов.

– И все? – удивился Вадалов.

– Точно, – заверил боевик и направился прямо. Он остановился в шаге от стены башни и вопросительно посмотрел на Хусейна.

– Копайте, – приказал тот.

– Что там должно быть? – Мухханад с интересом посмотрел на Вадалова. – Конечно, если это не секрет.

– Какие могут быть у нас с тобой секреты? – усмехнулся в усы Хусейн. – В девяносто пятом, когда сюда пришли русские, в республике был настоящий беспредел… В общем, здесь что-то вроде черной кассы. Доку держал ее на самый крайний случай. Только он знал точное место, где спрятан клад. Для того, чтобы ни у кого не было соблазна, он дал мне часть карты, а вторую держал в своей голове Джунид.

– Ты сказал, здесь клад? – не понял Мухханад.

– У людей было золото, камни, доллары, – подтвердил Хусейн. Он неожиданно прервал разговор и прислушался.

– Что? – насторожился Мухханад.

– Мне кажется, я слышу вертолет, – пояснил Хусейн.

– Они часто здесь летают. – Араб сунул большие пальцы за ремень и огляделся. – Вчера два видел.

– Странно, – задумчиво проговорил Хусейн, но тут же его лицо вновь оживилось. – Здесь не все люди. Часть я выставил в охранение, – стал он вводить в курс дела Мухханада и показал рукой направление: – Двое моджахедов контролируют тропу в километре отсюда, трое ушли вверх по распадку. Это два самых опасных направления, которыми может воспользоваться противник, если решит подобраться к нам незамеченным.

– Значит, вас пришло больше? – догадался Мухханад, подсчитывая в уме общее количество бойцов.

* * *

– Командир, – Джин тронул Филиппова за плечо.

– Чего? – не открывая глаз, спросил Антон.

– Только что Захаров просил тебя зайти к нему.

Антон сел на кровати, посмотрел на часы. Почти шесть.

– Не знаешь, что случилось? – Филиппов зевнул и потянулся.

– Начальник разведки группировки приехал, – Джин вернулся за стол, на котором лежала портативная станция.

– Ясно, – Антон пружинисто встал и стал одеваться.

На девяти кроватях, установленных в небольшом кубрике казармы, спали спецназовцы. Ни звука. Антон невольно вспомнил училище. Стоило войти в спальное помещение, где отдыхали курсанты, как оказывался в самой настоящей музыкальной шкатулке. Кто-то храпел, сопел, стонал или скрипел зубами. То и дело раздавалась неразборчивая речь. Специфика службы обязывала разведчиков-диверсантов уметь даже правильно спать.

На улице было темно. Моросил мелкий дождик. В свете фонаря у ворот маячил караульный. У входа в комендатуру стоял «уазик». Чуть дальше бронетранспортер.

– Извини, Антон Владимирович, что поднял раньше времени, – начальник разведки комендатуры Захаров, поднимаясь из-за стола, с виноватым видом развел руками.

– Ну, во-первых, не в твоей компетенции меня поднимать, – полушутливым тоном напомнил Антон. – А во-вторых, я и сам бы через четыре минуты встал. Говори, что случилось?

– Начальник разведки группировки приехал. Тебя хочет видеть.

«Очевидно, на то есть серьезная причина, если полковник Ковалев заявился в такую рань», – подумал Антон, а вслух спросил:

– Где он?

– У шефа, – показал рукой на стену, за которой располагался кабинет коменданта, Захаров.

– Так пойдем! – заторопился Антон.

Они вышли в коридор. Захаров постучал в дверь напротив.

– Войдите! – раздался голос коменданта, подполковника Логвиненко.

Антон шагнул через порог.

Начальник разведки Ковалев сидел за столом для совещаний. Рядом с ним какой-то незнакомый Антону капитан. Логвиненко стоял у висевшей на стене карты.

– Здравия желаю! – поприветствовал Антон офицеров.

– Проходи, Филиппов, садись! – Ковалев указал рукой на стул напротив себя.

Антон подчинился.

Комендант прошел за свой стол.

– Знакомься, Антон Владимирович, – начальник разведки указал на капитана, – помощник начальника особого отдела Савинов.

Антон кивнул.

– У нас появилась информация, заслуживающая серьезного внимания, – продолжил Ковалев. – С твоим руководством я уже связался, и они дали «добро» на совместную работу.

– Интересно. – Антон перевел взгляд на особиста, догадавшись, что сейчас его очередь говорить. Так оно и вышло.

– По сведениям, полученным агентурным путем, Доку Умаров приказал двум своим полевым командирам отправить в район Куцы представителей, – переглянувшись с Ковалевым, Савинов продолжил, – а Хусейну Вадалову – выйти лично с группой боевиков.

– Чего они там забыли? – восстанавливая в памяти этот район Чечни, удивился Антон.

– Накануне эти данные подтверждены разведывательной авиацией, – продолжил контрразведчик. – В развалинах замечены люди.

– Я так понимаю, сам Доку туда попасть не имеет возможности, поэтому исключаю, что он решил устроить нечто вроде сходняка, – осторожно заговорил Антон. – Тем более если вы утверждаете, будто из полевых командиров там будет лишь Хусейн.

– А если это передача власти? – неожиданно выдвинул предположение Ковалев.

– Маловероятно, – покачал головой Антон. – Зачем тащиться туда? Есть более удобные для этих целей места. Я считаю, что там что-то спрятано. Ведь нет никакого секрета в том, какие районы облюбовали боевики. Этот у них не в почете. Здесь преобладают в основном умирающие селения и аулы. Их можно по пальцам пересчитать. В то же время много лугов. В районе не представляет труда вытеснить банду на открытую местность и уничтожить.

– Еще Басаев пугал нас бактериологическим оружием, не раз заявлял о наличии радиоактивных материалов, которых достаточно для создания грязной атомной бомбы. Мало ли. Там могли спрятать контейнер, а сейчас пойти за ним, – выдвинул новое предположение Савинов. – Других объяснений появления в этом районе бандитов у меня нет. В любом другом месте понятно, но здесь… – Он пожал плечами.

– Мне кажется, здесь что-то другое, – возразил Антон. – Сами посудите, если бы действительно там прятали нечто подобное, зачем собирать в кучу представителей сразу нескольких банд? Чтобы прямо там поделить эту гадость и ударить в разных частях республики? Глупо. Мне кажется: это ловушка.

– Для кого? – нахмурился Ковалев.

– Хотя бы для меня, – хмыкнул Антон.

– Думаешь, информация о вашем прилете дошла до ушей Доку Умарова? – насторожился Савинов.

– Это тоже не надо исключать, – подтвердил его предположение Антон.

– Но данные о намерениях Доку мы получили раньше, чем вы здесь появились, – возразил Савинов.

– Тогда надо лететь, – Филиппов ударил себя ладонями по коленям. – Значит, бандиты прямо в Куце?

– Там, – подтвердил начальник особого отдела. – И активность переговоров возросла.

– Характер радиообмена? – Антон покосился на коменданта. Но тот пожал плечами.

– Ничего существенного. – Савинов почесал тыльную сторону ладони. – Используя переговорную таблицу, уточняют обстановку и все.

Антон быстро прикинул в голове возможности группы. Если в течение десяти минут они решат вопрос с «вертушкой», то на «точке» будут уже через час. Чтобы не насторожить боевиков, высадку придется осуществлять за пределами зоны слышимости «борта». После этого бросок километров десять, рекогносцировка, а дальше действия по обстановке. Только месяц назад взяли в группу Ермакова. Уже минус один. Конечно, парень пойдет на что угодно, но не станет ли после всего обузой для группы? Второй это доктор Гайнулин Ринат. Воюет давно, но тоже не высаживался таким способом. Ко всему, кроме обычного боекомплекта и оружия, он тащил на себе практически небольшую операционную. Пойти без них? А если там действительно что-то серьезное?

Антон посмотрел на начальника разведки:

– На сборы, принятие решения и уточнение задач мне необходимо тридцать минут.

– Хорошо, – кивнул Ковалев и перевел взгляд на коменданта. – Запрашивай мой «борт».

Спустя час сидевший в проходе кабины штурман развернулся, отыскал взглядом Антона, показал рукой на циферблат часов, потом выпрямил три пальца.

– Готовность три минуты, – продублировал в микрофон переговорного устройства сигнал штурмана Антон и встал. Он сидел на боковой скамейке с краю. О месте высадки долго не спорили. Было там несколько свободных от камней и относительно ровных площадок, закрытых от глаз находящихся в ауле людей горами. Одну из них и решили использовать.

Придерживаясь руками за кронштейны, Антон пробрался к выходу. Здесь уже возился с замками дверей Дрон. Когда они распахнулись, Филиппов на мгновение зажмурился. В салон ударной волной ворвался лязг перемалывающих воздух винтов, рев турбин, поднятая в воздух пыль и мелкие камни.

Антон почувствовал, как на плечо легла рука штурмана.

– Земля! – скомандовал он.

Каждый знал свое место и время. Первым исчез в дверях Дрон. Следом пошел Туман, потом Гущин… Не прошло и двух минут, а машина, перевалив через хребет, уже рокотала своими двигателями где-то над Ассой.

Ощетинившись во все стороны стволами «валов», «винторезов» и автоматов Калашникова, группа некоторое время словно приходила в себя. Каждый занял свою позицию и наблюдал, слушал, нюхал в своем секторе. В воздухе еще носился запах керосина, а в сторону распадка медленно сносило облако поднятой в воздух сухой травы и мелкого мусора.

– Это Филин, доложить о готовности к движению, – проговорил Антон в микрофон переговорного устройства.

После грохота вертолета показалось, что сказал громче, чем следовало бы.

– Это Туман, к движению готов.

– Дрон, в норме…

Через полминуты стало ясно: высадка прошла успешно. Травм не было.

Со стороны могло показаться, что вертолет просто прошел над землей на минимальной высоте. На самом деле он оставил на земле горстку людей, способных наворотить дел, как небольшая армия…

– Джин, Шаман, – Антон отыскал взглядом притаившихся за валунами чеченцев.

– Джин на связи, – отозвался майор.

– Головной дозор, – с ходу поставил задачу Антон.

В случае внезапной встречи с бандитами офицеры-чеченцы должны обеспечить группе возможность рассредоточиться и занять выгодные позиции. Для этих целей они одевались как боевики, не брили перед командировками бороды. Зачастую это сбивало с толку бандитов, притупляло бдительность, давало возможность подойти к ним вплотную.

Джин с Шаманом поднялись и двинулись вдоль склона.

Если идти строго по курсу вертолета, то уже с вершины расположенной справа горы можно будет увидеть злосчастный аул. Но Антон не исключал, что сейчас боевики в этом направлении тоже ведут наблюдение. Так, волей или неволей, придется совершать обход и выходить с другой стороны.

Работали, как всегда, парами. Антон с Дроном взяли на «буксир» новичка Ермакова. Он пока был один. Шествие замыкали Туман и Гущин. Офицеры-чеченцы двигались впереди, на удалении зрительной связи. Шли ровно. Лишь когда над небольшим распадком, заросшим мелкими березками, в воздух взлетели несколько напуганных кем-то птах, Джин присел и поднял над головой сжатую в кулак руку. Группа бесшумно растворилась среди небольших деревьев, росших вперемежку с кустарником. Но уже через пару минут продолжила марш. Как оказалось, причиной тревоги послужил обычный горный козел…

* * *

Люди Хусейна вырыли яму глубиною по грудь и продолжали отбрасывать землю. Опасаясь погрешности, подстраховались, поэтому ее диаметр был равен размерам воронки от приличной авиабомбы. Наконец раздался скрежет по металлу. Хусейн, в это время говоривший о пустяках с Мухханадом, замолчал и вопросительно посмотрел на перепачканного землей Усмана.

– Есть, – подтвердил тот, навалившись спиною на вертикальную стену.

Хусейн поднялся с земли и подошел к яме, из которой двое его моджахедов уже осторожно доставали артиллерийский снаряд.

Мухханад запустил руку под косматую бороду и с задумчивым видом поскреб шею:

– Хм!

– Тебя удивляет? – Хусейна развеселила реакция араба. – Ты, наверное, ожидал, что мы достанем кувшины?

Араб покосился на стоявшего рядом Расу:

– Если выплавить весь тротил, то в снаряд такого калибра войдет не меньше драгоценностей, чем в кувшин.

– Ты прав, – согласился Хусейн.

Тем временем Усман смел рукой с болванки песок, воткнул ее наконечником в грунт и стал отворачивать донную часть. Когда крышка была снята, у Мухханада от удивления открылся рот. Полость стодвадцатипятимиллиметрового снаряда была плотно забита золотыми украшениями и камнями. Но это было не все, рядом, на бруствере, появились еще два аналогичных боеприпаса. Люди Хусейна стали заботливо снимать с них пленку и скотч.

– Сюда не только украшения прятали, – не без гордости сказал Хусейн. – В свое время через Грозный Дудаевым был налажен канал поставки в Азербайджан бриллиантов. Как ты понимаешь, часть из них в обработанном виде возвращалась назад. Здесь они тоже есть.

Мысли Мухханада путались, голова наполнилась странным туманом, а в ушах появился протяжный звон. Да если бы он только знал, рядом с чем сидел все эти дни! Ведь даже малой части того, что сейчас достают из земли люди Хусейна, хватит, чтобы открыть у себя на родине собственное дело, стать уважаемым человеком и беспечно жить до конца своих дней… Зачем эта война, грязь, постоянный страх оказаться в руках кафиров? Вот оно, счастье!

Чтобы Хусейн ничего не заподозрил, Мухханад с деланым безразличием отвернулся и посмотрел в сторону равнины. Пришло время обеда. Мысли путались. Неужели он так и не воспользуется предоставленным ему шансом разбогатеть? Нужно что-то срочно делать. Однако ничего путевого в голову не приходило. Как ни крути, но для начала необходимо избавиться от Хусейна и его людей. Это очень непростая задача. Вернее, невыполнимая. Доку хорошо все просчитал. Как оказалось, он учел и слабости моджахедов. Значит, недооценил его Мухханад. Чтобы успокоиться, араб стал искать негативные стороны последствий. Допустим, ему удалось стать единоличным хозяином клада. Как бы он поступил дальше? Первым делом пришлось бы перепрятать все в другое место, а Доку сказать, что в последний момент напали русские… Нет, этому мало кто поверит. Кафиры обязательно рассказывают по телевизору о том, как и где провели очередную операцию. С другой стороны, если бежать со всем этим добром, то придется прятаться до конца жизни. А если учесть, как в таких случаях ищут, проживет он совсем немного. Мухханад поежился. Как-то сразу не подумал об этом. На него ополчится весь исламский мир. Он станет изгоем. Но ведь должен же быть какой-то выход? Так ничего и не решив, он развернулся к Хусейну, равнодушно наблюдавшему за действиями своих людей:

– На что пойдут эти деньги?

– Мы давно не заявляли о себе, – пожал плечами Хусейн. – Пора снова заставить неверных вздрагивать по ночам.

Тем временем содержимое снарядов стали аккуратно перекладывать в специальные брезентовые пояса и сумки.

– Скажи, ты давно знал об этом кладе? – не выдержал Мухханад.

– Это не клад, а достояние нашего народа, – уточнил Хусейн.

– Может, этого хватит, чтобы начать новую войну с кафирами? – раздался из ямы голос.

Араб скрипнул зубами. «Фанатики! А что если предложить Хусейну скрыться со всем этим богатством у него на родине?» Он пристально посмотрел на чеченца.

– Тебя что-то беспокоит? – почувствовав на себе взгляд, спросил Хусейн.

– Представь себе, не пойдем мы больше воевать, а сядем в самолет и полетим в Эмираты…

Взгляд Хусейна обжег араба.

– Это шутка такая была, – Мухханад вздохнул. – Интересно, а много еще тайников в вашей республике?

– Это не наше с тобою дело, – на полном серьезе ответил Хусейн.

Моросивший с обеда дождь усилился. Под ногами зачавкала грязь.

Неожиданно один из четырех назначенных в охрану моджахедов резко поднялся с земли и стал пристально смотреть в сторону заросшей кустарником и мелкими березками ложбинки.

– Что ты там разглядел, Назир? – тут же поинтересовался Хусейн, который, казалось, видел все, что творится вокруг. Общались моджахеды через закрепленные на левой половине курток станции.

Но Назир словно не слышал командира. Он резко вскинул автомат и выстрелил куда-то в сторону зарослей. Только после того как эхо одиночного выстрела затерялось где-то среди гор, ожила станция у Хусейна:

– Это Назир! Кафиры по распадку идут!

– Ты ничего не путаешь? – нахмурил брови Хусейн. – С трех сторон за горой наблюдают наши братья. Я специально выставил дальние посты. Они бы сообщили, что сюда поднимаются люди.

Хлопок «винтореза» опрокинул на спину стоявшего в стороне Расу и развеял сомнения Хусейна в том, что его человек ошибся.

– Ускорить работу! – крикнул Хусейн, а сам бросился к развалинам, на ходу сделав несколько выстрелов в сторону, куда смотрел Назир.

Мухханад стоял, не зная, как поступить. Хотя, когда пришел Хусейн, они быстро распределили обязанности. Сейчас араб и двое его помощников должны были начать уходить вдоль склона на север, отвлекая на себя противника, и, в конечном итоге, занять небольшую высотку левее аула. Это позволяло контролировать устье распадка. Часть людей Хусейна принимала бой прямо здесь, у развалин и ямы. Задача у всех была одна: обеспечить отход трех груженных золотом и камнями моджахедов к Ассе, прямо по склону. Но никто не рассчитывал, что пойдет дождь. Сейчас этот спуск превратится в скольжение, которое закончится внизу смертью. К тому же убит Расу. Непонятно, почему не было доклада от дальних секретов. В результате кафиры подошли почти вплотную. Началась неразбериха.

А между тем араб уже отчетливо разглядел двух перебежавших между камнями русских. Треск очередей и хлопки «винторезов» словно разгневали небо. Дождь хлынул как из ведра.

Араб бросился к яме и, не обращая внимания на свист пуль, треск очередей и крики раненых, замер на ее кромке. Двое из находившихся внизу моджахедов, бросив все, вели

огонь по распадку. Один уже лежал на спине. Над правой бровью красовалось пулевое отверстие. Под головой, в грязи, растеклась лужа крови. Никто не видел появившегося за спиной араба. Неожиданно его словно кто-то подтолкнул. Он спрыгнул вниз. В разные стороны полетели желтые брызги. Ноги по щиколотку увязли в песке и мелких камнях. Не обращая внимания на моджахедов, араб рухнул на колени перед кучкой лежавших на брезенте драгоценностей, схватил пригоршню камней и сунул в карман разгрузочного жилета. Потом сгреб золотые украшения и стал рассовывать их по карманам брюк.

В это время рядом упал еще один боевик. Мухханад замер, глядя на то, как у него стекленеет взгляд. Покойник словно гипнотизировал, не давая пошевелиться.

– Ты что делаешь? – оскалился оставшийся в живых бритоголовый бородач.

Араб уже знал: этого громилу звали Усман. Он бы наверняка еще долго не заметил Мухханада, если бы не оглянулся на своих дружков. Чеченец развернулся к нему всем телом и вскинул автомат. Однако магазин оказался уже пустым. Усман отбросил оружие в сторону.

– Надо хоть что-то спасти, – стал лепетать араб, поднимаясь на ноги.

– Мы все спасем, если ты сейчас займешься своим делом. Их здесь мало. Иначе мы бы узнали…

Мухханад встал во весь рост, и ему открылась картина боя. Двое боевиков Хусейна, перебегая от камня к камню, стреляли короткими очередями по распадку. Оттуда раздавались ответные выстрелы. Вот еще один моджахед застыл у развалин. Дико закричал, повалился на землю и стал елозить в грязи сам Хусейн. Он зажимал руками колено, сначала пытаясь согнуть ногу, потом резко выпрямляя.

– Почему твои люди ничего не предпринимают? – взревел Усман и бросился на Мухханада.

Араб изловчился и встретил его ударом кулака в челюсть. Но Усману хоть бы что. Он лишь на мгновение закрыл глаза и тут же схватил Мухханада за пояс.

«Конец!» – мелькнуло в голове Мухханада. Он знал, чеченцы с детства учатся азам борьбы.

Неожиданно рядом рванула граната. Спасаясь от осколков, Усман, увлекая за собой Мухханада, рухнул на дно ямы. Брызнувшая из-под чеченца грязь попала на лицо араба. Он встал на четвереньки, пытаясь очистить глаза. В этот момент на голову словно обрушилась бетонная плита – Усман двинул его кулаком по затылку. Мухханад повалился на бок, прикинувшись, будто потерял сознание. В это время где-то вверху раздался звук пролетевших самолетов.

«Все! – мелькнула мысль. – Русские сейчас будут бомбить склон!»

Он осторожно открыл глаза. С трудом разглядел Усмана. Стоя на четвереньках, тот разжимал руки убитого моджахеда, пытаясь забрать его автомат. Мухханад понял: если наверху кто-то из людей Хусейна и остался, то им явно не до золота. Он медленно вынул из кобуры «ПМ», снял с предохранителя. Усман уже вставал, собираясь вновь ответить русским огнем. Однако Мухханад не дал ему до конца выпрямиться. Разрядив в упрямого чеченца почти половину обоймы, он опять подобрался к брезенту. Приличных размеров кучка золотых украшений и камней тянула его как магнит. Араб снова стал рассовывать золото по карманам. Но треск будто лопнувшего напополам неба и ослепительно яркий свет заставили замереть. Все затряслось и куда-то поползло, вмиг окутав его непроглядной темнотой. Мухханад никак не мог оторвать от земли руку. На грудь словно упал слон. Он с криком выдохнул воздух, не в силах больше вдохнуть. Раздался хруст костей, а нечеловеческая боль, казалось, разорвала на куски тело.

Глава 2

Усилившийся дождь увеличил вес снаряжения и снизил видимость до нескольких сот метров. Грязные ручейки в ложбинах превратились в потоки. Налипавшая на подошвы ботинок грязь затрудняла шаг. Ноги постоянно разъезжались, скользили. Было тяжело при таком темпе удерживать равновесие. Ермаков дважды упал. Перевернувшись на живот, он тут же вставал на четвереньки и поднимался. Масла в огонь подлил Дрон. Нет, на этот раз не очередной шуткой. Просто у него сработал многоканальный определитель рабочих частот. Это говорило о том, что совсем рядом ведутся переговоры с использованием радиостанции УКВ диапазона малой мощности. Обычно работу такой станции можно определить лишь за десять-двенадцать километров. В горах это расстояние, как правило, уменьшается. Сомнений не было: в районе кто-то работает на средствах связи малой мощности.

Не сбавляя темпа, он вынул из нагрудного кармана спутниковый телефон, отвернул похожую на сигару антенну.

– Слушаю тебя, Филин, – уставшим голосом с ходу ответил Родимов. – И вижу. Только вот пока ничего понять не могу…

Антон сообразил, генерал на ГБУ и сейчас наблюдает за перемещением группы на специально установленном экране. Группа боевого управления располагалась в небольшом бункере под землей прямо на территории учебного центра. Сейчас генерал видит движение маяка в районе развалин. Конечно, он обязан знать, почему группа оказалась там без его ведома. Но выйти на связь первым опасался. Вдруг в этот момент его парни подкрадываются к часовому, и зуммер спутникового телефона выдаст их?

– Совершаю марш с целью выхода в район развалин с севера, – стараясь скрыть одышку, стал докладывать Антон. – Местность с той стороны позволяет подойти к ним вплотную.

– Какова численность бандитов? – спросил генерал.

– По данным начальника разведки, у развалин по нескольку представителей от подконтрольных Умарову банд. Сам еще не видел.

– Понял тебя, – задумчиво проговорил Родимов. – А что если версия Свиридова верна и там контейнер с какой-нибудь заразой спрятан, за которым сейчас пришли бандиты? Кстати, если это действительно так, как у тебя со средствами защиты?

– Вы как будто не знаете. – Антон переложил трубку спутникового телефона к левому уху. – Нет ничего.

– Может, сбросить контейнер? – осторожно спросил генерал.

– Уже поздно, – крутя во все стороны головой, ответил Филиппов. – Духи точно заметят. И вообще, думаю, до этого дело не дойдет. Вот пара штурмовиков, возможно, мне пригодится.

– Что-то ты меня пугаешь, – удрученно произнес Родимов.

– Меня эфир насторожил, очень смело они работают. Не исключаю ловушку. Может, специально…

– Хорошо, я сейчас свяжусь с командующим ВВС, и мы выделим в твое распоряжение пару «Грачей», – пообещал генерал.

– Премного благодарен, – Антон сложил антенну, сунул трубку в карман разгрузки.

Вскоре они спустились в небольшую ложбинку и повернули в обратном направлении, уже непосредственно к развалинам башни. Видимость была минимальной. Двигались с большой осторожностью. В любой момент можно было нарваться на секрет или просто засаду бандитов. Не исключал Антон также и наличие разного рода сюрпризов в виде «растяжек» и просто обычных противопехотных мин. Шаман с Джином шли левее по склону.

Справа выдвигался Туман и Гущин. Банкет с Татарином шли сзади. Мало ли. Вдруг действительно они идут в западню? Когда до руин оставалось совсем немного, пошли совсем медленно. Подолгу замирали, прислушиваясь к каждому звуку. Пробирались буквально по сантиметрам, без единого звука. И все же что-то они не просчитали. А доказательством тому, как правило, бывает первый выстрел противника, а не их. Произошло все стремительно. Сначала на удалении броска гранаты возник человек. Антон замер, надеясь, что боевик сейчас примет Джина и Шамана за своих и, как всегда, начнет выяснять отношения. Однако те шли левее и выше, а в поле зрения бандита попал, по всей видимости, Дрон. По тому, как ловко опустившись на колено, чеченец вскинул ствол автомата, Филиппов понял: они имеют дело с хорошо подготовленными бандитами – и лишь мысленно осенил Дрона крестом. За долю секунды тот бросился на землю. Антон отскочил в сторону, уже поймав в прорезь открытого прицела стоящего у какой-то ямы бандита, и надавил на спусковой крючок. Пуля мягко прошла по стволу, приклад ударил в плечо, и вот уже бородач лежит на спине, странно подтягивая под себя ноги…

Определить количество бандитов даже примерно не удалось. Мешали развалины, а слева – холм. С разных сторон по распадку дружно стали вести огонь сразу несколько автоматов.

Дрон быстро переполз в сторону, вскинул свой «вал» и дважды выстрелил в район разрушенной башни. Оттуда раздался вопль. Антон с минуту шарил взглядом по заросшему мелким кустарником склону, надеясь увидеть выстрелившего первым бородача, потом перебежал вперед. Бандита он заметил в последний момент. Как оказалось, тот успел подняться по склону и уже целился в Джина. Антон выстрелил, целясь бородачу в голову. Открыв рот, бандит завалился на бок. Тут же треснула автоматная очередь. Со свисавших над Филипповым веток деревьев полетели брызги. Совсем рядом прошелестели пули. Антон прижался к земле. Заросли барбариса скрывали его от глаз противника, но и он ничего не видел. Обдирая руки и локти о шипы, Антон пополз вперед. Наконец впереди проступили очертания развалин. Между тем стрельба со стороны бандитов ослабла. Антон приподнялся и перебежал левее и выше. С этого места брошенный аул был как на ладони. Взору открылась странная картина. На дне прямоугольной, свежевырытой ямы двое боевиков душили друг друга. Двое других валялись рядом. На бруствере стояли снаряды. Из-за расстояния нельзя было определить не только калибр, но и к какому орудию они подходят. Со стороны развалин прогремела еще одна короткая очередь. Филиппов снова присел. Тут же справа послышались хлопки «вала».

– «Неужели ловушка? – мелькнула мысль. – А что? Активизировали работу на средствах связи, заранее зная, что военные не оставят это без внимания, дождались высадки группы, о прилете которой узнали через местных «стукачей», и устроили встречу. А раз так, значит, надо сейчас ждать удара с тыла».

Антон давно опасался такого развития событий. Он знал: за уничтожение подразделения спецназа ГРУ чеченские боевики получат хорошие деньги. Филиппов быстро соображал. Один офицер некомплект, лишь сегодня ночью начали работать в этом направлении. Второй, Ермаков, с нулевым для жесткой работы опытом.

– Командир, с тыла лупят, – раздался в наушнике переговорного устройства голос Тумана. – Вроде один. Но не вижу. Скорее пристреливаются…

Антон решительно достал трубку спутникового телефона и надавил на кнопку автоматического набора частоты Родимова.

– Да, – почти сразу откликнулся генерал.

– Родник, это Филин!

– Слушаю тебя, Филин…

– «Грачи» нужны, целеуказания дам ракетами белого цвета…

– Держись, пилоты в кабинах, машины прогреты. Семь минут – и можешь встречать.

– Спасибо, Федор Павлович…

С новой силой из развалин домов раздались очереди. Несколько пуль щелкнули по камням рядом с Антоном. Он переполз вперед, заметив, как Банкет начал посылать одну за другой пули в сторону башни, прикрывая бегущего туда зигзагами Тумана. «Не хватало мне еще и без заместителя остаться», – с тоскою подумал Антон, наблюдая за тем, как в последний момент майор швырнул в похожий на колодец памятник архитектуры времен Шамиля гранату.

Филиппов не мог понять замысла боевиков. Чего они ждут? Зачем рыли яму? Для чего тащили сюда снаряды? Или, наоборот, их решили забрать?

– Точно, сюрприз здесь хранился, – проговорил в наушнике голос Дрона. – Сейчас шандарахнут сибирской язвой или чумой, и будем мы до конца дней своих без ушей жить.

– Тебе, Вася, лучше без языка, – шутливо проговорил кто-то в ПУ.

– Все-таки думаешь, эти снаряды с особой начинкой? – Антон закусил губу, пытаясь определить направление ветра. А он дул как раз в сторону спецназовцев. Филиппов поежился. Если кто-то случайно повредит болванку, им несдобровать.

– Наверняка еще при Дудаеве прикопали, – предположил Дрон.

– Тогда мы здесь при чем? – раздался удивленный голос Гущина, который слышал разговор командира с Дроном.

– А они знали, что спецназ бросят на это дело, вот и совместили приятное с полезным, – снова высказался Дрон.

– Бред какой-то! – прохрипел Туман. – Нас огнем с тыла к вам оттесняют!

– Это засада, командир, – подлил масла в огонь Джин. – Хитрецы принесли сюда снаряды на себе, а яму выкопали, будто здесь их прятали.

– Может, все же с начинкой они? – ни к кому не обращаясь, спросил кто-то.

– Что-то «Грачей» долго нет, – Антон скрипнул зубами. – В такой дождь они могут и не полететь.

– А если полетят, то промажут, – уверенно заявил Дрон.

– Не каркай, – попросил кто-то.

– А если вся эта гадость после удара в реку уйдет? – заволновался Татарин.

– Знаешь, с этим уж как-то справиться можно, – зло заговорил Банкет. – Сколько скотомогильников по стране вымывало, и ничего. Накидают реактивов, и баста…

Договорить не дал шум вынырнувших из-за облаков двух штурмовиков. Отстреливая тепловые ловушки, они прошли над развалинами. Ведомый покачал крыльями, давая понять, что видит цели, после чего самолеты пошли на боевой разворот.

– Дрон, ракетами белого цвета по яме!

Последняя фраза утонула в шипенье вылетевшей из картонной трубки ракеты. Однако первая запуталась в ветвях кустарника, заметалась и взмыла вверх.

– Командир, прикрой, – раздался голос вставшего во весь рост Дрона. Почти сразу в направлении бандитов улетели два ослепительно белых шара, оставляя за собой белесую полосу.

– Группа, «откат»! – вскакивая на ноги, скомандовал Антон. Ему было хорошо видно, как из свинцового неба плавно заходят на цель два завалившихся на крыло штурмовика. Земля вздрогнула под ногами и качнулась. Последовавший после этого раскат грома заставил броситься в пожухлую траву. Еще мгновение, и два самолета с ревом прошли над головами спецназовцев.

Антон сел, несколько раз зажмурился, давясь удушающим запахом сгоревшего тротила, и только после этого встал.

– Дрон, ты живой? – спросил он, в последний момент поймав себя на мысли, что обращается через ПУ мысленно. Голова еще плохо работала.

Он обернулся. В сторону сносило водяную взвесь и клубы пыли, однако части горы с ямой, нагромождением камней и остатками башни не было. Стало понятно: ударами авиабомб пилоты устроили искусственный сель, который снес все на своем пути.

* * *

То, что произошло что-то из ряда вон выходящее, Зарема догадалась по озабоченным лицам оставленных с нею боевиков. Они весь день вели себя спокойно, играли в нарды, спали, разговаривали. Однако ближе к вечеру вдруг стали метаться по дому, выглядывать в окна, кому-то звонить. Когда на селение опустились сумерки, во дворе появился худощавый юноша. К нему тут же подошли Тархан Мартагов и Ханпаша Газиев, люди, которых Хусейн оставил для охраны. Зарема помогала мыть хозяйке казан, когда до ее слуха донеслись несколько фраз: «Хусейн последнее время часто делал ошибки» и «на все воля Аллаха».

Забыв обо всем на свете, она бросилась к мужчинам:

– Что случилось? Где Хусейн?

Ханпаша развернулся к Зареме всем телом, схватил ее за руки и вынудил посмотреть ему в лицо:

– Разве ты не видишь, мужчины говорят! Почему идешь и спрашиваешь у них то, чего тебе не положено знать? Ты забыла наши обычаи?

– Тише, люди услышат! – запричитал одноглазый хозяин дома.

В тот же момент в голове Заремы словно лопнула натянутая до предела струна. В сознание она пришла на заднем сиденье старого «УАЗа». Подсвечивая себе путь слегка желтоватым светом, он взбирался в гору. Потом машину тряхнуло, и все снова утонуло в вязкой и черной боли. Когда сознание вновь вернулось, она уже лежала на деревянной кровати в небольшой комнатке с ковром на стене. Страшно болел низ живота. А еще ей хотелось в туалет. Зарема приподнялась на локтях. Лицо было словно чужим. Неожиданно ее обдало жаром. Она была голой, а левый сосок распух и стал в два раза больше, словно его укусила собака.

Ничего не понимая, Зарема закуталась, как смогла, в покрывало, свалилась на пол, с трудом встала и направилась во двор. Свежий воздух слегка взбодрил молодую женщину, но она не могла понять, какое было время суток – раннее утро или вечер. Часть небосклона светилась розовым сиянием. На второй его половине горели звезды. Немного постояв, Зарема направилась в сад. Здесь, отойдя в дальний угол, она с трудом опустилась на корточки. Неужели ее так сильно избили?

– Зарема! – раздался старческий женский голос. – Где ты?

Придерживаясь за стволы деревьев, Зарема молча пошла на голос. У крыльца она различила силуэт женщины.

– Воды!

– Сейчас, – пообещал скрипучий женский голос, и силуэт скрылся в доме.

Она прислонилась плечом к стене. Раздались шаркающие шаги, и в зубы уперся край железной кружки. Зарема с жадностью сделала несколько глотков, но где-то в районе желудка появилась боль. Она посмотрела на черный силуэт старухи:

– А где Хусейн?

– Не знаю я никакого Хусейна. Иди в дом и ложись.

С трудом передвигая ноги, Зарема вернулась в комнату и легла на кровать. Странно, но она была мокрой.

Ее тело приобрело болезненную невесомость. Стало казаться, будто комната вместе с ней вращается вокруг своей оси. Зарема закрыла глаза. Она не знала, сколько длилось похожее на сон забытье. Ее бил озноб. Стучали зубы. Зарема куталась в покрывало, но не могла согреться.

И снова провал в какую-то бездну без сновидений. Ее кружило, качало в непроглядной черноте…

Зарема открыла глаза от прикосновения его губ к ее груди.

– Наконец ты пришел! – По лицу потекли слезы счастья.

Хусейн ласково провел своей шершавой ладонью по животу, обвел пальцем вокруг пупка, и вот уже его рука нежно опускается ниже. Он погладил внутреннюю часть бедра, и сразу стало легче. Потом провел по второй ноге. Слегка сдвинул ее в сторону.

«Он волшебник», – Зарема закрыла глаза. Ей очень хотелось знать, где он пропадал столько времени, но она боялась спросить, чтобы не лишиться этих сказочных ощущений. Вот снова Хусейн нежно и тихо вошел в нее… Неожиданно она вскрикнула от толчка. Грубого, сильного. Он что-то прохрипел и вошел в нее с новой силой. Причем с каждым мгновением делал это все грубее, со странной животной страстью, словно хотел вбить ее в эту старую деревянную кровать.

– М-мм, – не выдержала Зарема.

А между тем волосатая грудь Хусейна все терла и терла ее нежную кожу… «Почему у него такой странный запах? – попыталась отвлечься от боли Зарема. – Кислый, и борода стала мягче…»

Неожиданно ее словно ударило током, и она дико закричала. До нее, наконец, дошло, что она с другим мужчиной.

– Почему пугаешь? – обжег ухо горячий влажный воздух.

– Ханпаша! – узнала она его. – Что ты сделал? Хусейн убьет нас обоих…

– Ты две ночи спишь со всеми мужчинами, которые хотят женщину, и только сейчас вспомнила Хусейна? – с горечью в голосе проговорил он.

Неожиданно ей стало легче. Он свалился сначала на бок, потом и вовсе сел на кровати. Зарема зажмурилась, пытаясь стряхнуть с себя это страшное наваждение, этот бред, вызванный, скорее всего, болезнью. Тем временем мужчина медленно встал, подошел к стене и щелкнул выключателем. В свете висевшей под потолком лампочки она увидела голого Ханпашу. Он был еще возбужден, и Зарема отвела взгляд в сторону.

– Хусейн умер, – между тем констатировал Ханпаша. – Теперь ты общая женщина.

В голове Заремы, вызывая боль, пульсировала кровь.

– Родственники все равно не примут тебя обратно, а так хоть принесешь пользу моджахедам, – продолжал он добивать ее.

Так вот почему у нее болят спина и локти! А кто-то и вовсе в порыве страсти едва не лишил ее соска. Впрочем, это уже неважно. Кого она будет кормить своей грудью? Она стала падшей женщиной! Какой позор для матери и отца! А что будут говорить в спину братьев? Как теперь быть ее сестрам?

– Убей меня, Ханпаша! – попросила Зарема.

– Зачем добру пропадать? – удивился тот и стал чесать своей пятерней волосатую грудь. – Чтобы тебе было легче смириться со своей новой участью, я делал тебе уколы. Это наркотик. Сегодня перестал. Дорого. Несколько дней будет плохо, потом пройдет. Хотя, может, и вовсе ломки не будет. Два дня – это не срок.

Зарема была готова вскочить, броситься ему в ноги, обхватить их, целовать каждый палец с мольбою о смерти, но ее сдерживало то, что для этого придется сбросить с себя это грязное покрывало, а она абсолютно голая…

– Надо будет, тебя найдут твои родственники и сами накажут по всем законам Шариата, – заверил он ее.

– Но ведь я не виновата! – простонала Зарема. – Если бы я была здорова, разве позволила использовать себя чужим мужчинам?

– Ты убежала из дома, где родилась, со своим родственником, – напомнил Ханпаша. – А за это уже полагается смерть… Ладно, хватит говорить. Я и так много времени потратил. – Ханпаша выключил свет. Зарема почувствовала, что он на ощупь приближается к кровати.

Весь остаток ночи она проплакала в свернутый бушлат.

* * *

– Еще один! – раздался в наушнике переговорного устройства голос Дрона. Антон посмотрел вниз по склону. Туда, куда только что спустился вездесущий майор.

– Живой? – увидев Василия, стоявшего на четвереньках перед торчащей из земли ногой, обутой в армейский ботинок, спросил Антон.

– Шут его знает, – пробормотал Дрон, взял боевика за щиколотку и попытался потянуть. Однако потерял равновесие и стал сползать вниз по склону. Опустив ногу, он зло выругался.

– Мертвый, конечно.

Антон стал спускаться к Дрону. Местами склон был почти отвесный. Вниз осыпались песок и мелкие камни. Когда до ноги остались считаные метры, Антон неожиданно заметил желтоватый блеск.

– Странно, – пробормотал Банкет, который спускался рядом.

Они подобрались ближе. Банкет аккуратно взял обрывок толстой цепочки из желтого металла:

– Золотая?

– Я не ювелир, – зло ответил Филиппов и осторожно выпрямился на небольшом выступе: – Труп надо откопать.

– Это мы мигом, – тяжело сопя, заверил Дрон. Он вскарабкался обратно, к торчащей из земли ноге, забросил свой «вал» за спину и стал руками отгребать песок.

– Изделие из золота, – раздался в наушнике переговорного устройства голос Банкета. – Интересно.

– У них здесь скорее клад был зарыт, – продолжая копать, выдвинул предположение Дрон. – Зря пилотов подключили. Они почти все в Ассу спустили.

После удара штурмовиков набухший водой пласт земли вместе с остатками аула, разрушенной башней и десятком боевиков попросту сполз на огромной скорости вниз. И без того мутная в это время вода в реке почернела. Из тех, кто оборонял развалины и яму, наверху остался лишь один человек. Тела еще пятерых боевиков осматривали Туман и Гущин. Это было так называемое охранение, которое поначалу Антон принял за атакующую с тыла группу основных сил. По закону подлости все получили смертельные ранения, и допросить было пока некого.

– Готово! – облегченно вздохнул Дрон.

Антон приблизился к нему.

– Помоги, – попросил Василий, схватив бандита за плечо.

Филиппов понял, что он хочет перевернуть труп на спину.

Он взял его за ногу. Вдвоем они вытащили бандита из песка. Разгрузочный жилет был порван. Дрон запустил руку за отворот и обшарил карманы. В них оказался паспорт на имя Хусейна Вадалова.

– Как я его сразу не узнал… – Антон взял бандита за подбородок и повернул к себе.

– Командир, по правому берегу, вниз по течению уходит человек!

Филиппов посмотрел вниз. Переваливаясь с боку на бок, словно медведь, почти по кромке бурлящего потока уходил полуголый мужчина.

– Один уцелел, – обрадовался Дрон.

– Надо его взять живым, – заторопился Антон. – Дрон, Банкет, со мной! – принял он решение. – Джин, Шаман, в обход, по склону!

Дрон уже начал спуск. Филиппов поднял над головой «винторез», сел и, притормаживая ногами, покатился вниз.

«Как бы в реку не угодить!» – подумал он, заметив, что нагоняет Василия.

– Брось оружие! – раздался в головном телефоне крик на чеченском. Раздалась очередь.

Стало ясно, что офицеры-чеченцы наткнулись на живого моджахеда.

– Джин, смотри вправо! – завопил Шаман.

После этого начались помехи.

– Что у них там? – раздался встревоженный голос Тумана.

Антон почувствовал, как ягодицу пробороздило что-то острое, и вскрикнул. Дрон стал материться. Видимо, он собрал на своем пути обломки камней, из которых была сложена башня. Дальше на пути была почти целая стена дома с оконным проемом посередине, за которой уже бурлила река. С трудом остановившись, Антон встал и двинулся вдоль склона, на ходу поправляя сбившуюся гарнитуру. Из-за шума воды нельзя было разобрать, что кричал бежавший рядом Дрон. Он оглянулся. Следом ковылял Банкет. Правая штанина была разорвана, из бедра хлестала кровь. Антон посмотрел вперед. Бандит шел с трудом. Было ясно, подняться вверх он не сможет, слева – река. Деться ему некуда. Это давало возможность помочь истекающему кровью Банкету. Он остановился и поймал за руку поравнявшегося с ним Банкета:

– Жгут!

Майор замотал головой и показал на ухо.

Антон махнул рукой и стал отцеплять карабины от своей «ВСС». Банкет повалился на бок, вынул из кармана индивидуальный перевязочный пакет.

– Помощь нужна? – раздался над ухом голос Дрона.

Антон указал рукой в сторону убегавшего бандита:

– Догнать! Живым бери!

С этими словами он принялся накладывать жгут из ремня. Остановив кровотечение и забинтовав ногу, Антон выпрямился и посмотрел вслед Дрону. Василий нагнал бандита и теперь стоял над ним. Скорее всего, тот, скатившись с массой земли к реке, лишился рассудка. Он сидел на корточках, сложив на уровне груди ладони, и о чем-то умолял офицера.

Антон, наконец, закрепил висевшую на шее гарнитуру.

– Вставай! – раздался голос Дрона.

– Кто твой командир? – послышался сквозь треск помех голос Джина. Видимо, оставшийся наверху майор кого-то допрашивал. Значит, есть «языки»! Филиппов облегченно вздохнул. Тем временем Дрон схватил пленного за шиворот и поволок обратно.

– Кто это? – морщась от шума в эфире, спросил Антон.

– Араб, – узнав голос командира, ответил Василий. – У него карманы золотом набиты.

На бандита было жалко смотреть. Сквозь превратившуюся в лохмотья одежду было видно смуглое, покрытое ссадинами тело. Смолянистого цвета борода стала рыжей от пыли. Волосы на разбитой голове слиплись от крови. На черном от грязи лице – две чистые дорожки. Бандит плакал. Бросив его на землю, Дрон стал выворачивать карманы. На землю посыпались золотые украшения и небольшие мешочки. Антон присел на корточки и взял один из них. Неожиданно, проявив незаурядную прыть, бандит вскочил на ноги, схватил его за запястье и вцепился между указательным и большим пальцами зубами. Филиппов, не рас-

терявшись, большим пальцем свободной руки надавил на глазное яблоко этого животного. Бандит разжал челюсти.

– Проворный, однако! – вскипел Дрон и двинул несчастного по затылку.

Тот упал лицом в грязь.

Антон, наконец, развязал мешочек и вытряхнул на ладонь его содержимое.

– Ух, ты! – выдохнул Василий, увидев с десяток играющих светом алмазов.

Подъем пленного занял больше часа. Для этого пришлось спуститься по берегу ниже. Там был более пологий склон. Бандита пришлось в прямом смысле тащить на себе. Он едва передвигал ногами. Вся нагрузка по его доставке легла на плечи Дрона. Антон помогал идти Банкету. Впрочем, на половине пути их встретил Гайнулин.

– Ты почему один? – нахмурился Антон, увидев спускающегося навстречу доктора.

– Джин занят допросом пленных, Туман остался за тебя, остальные в секретах, – скороговоркой доложил доктор, быстро снимая с себя огромный рюкзак.

– Кого взяли? – помогая опуститься Банкету на землю, спросил Антон.

– Еще три боевика шли к развалинам. Все гонцы от Хаважа Албагачиева.

– Далеко их занесло, – удивился Антон. – Этот выродок в основном на другом конце республики орудует, у границ с Дагестаном.

Значит, Доку Умаров собирался поделить содержимое тайника между несколькими бандами – то ли спросил, то ли подытожил Дрон. Он свалил пленника на землю и сейчас наблюдал за тем, как Татарин перевязывает Банкета.

– Не совсем, – разрезая старую повязку, покачал головой Татарин. – Бóльшую часть должен был забрать Хусейн.

Раздался гул вертолета. Антон задрал голову вверх. Над Ассой летел пятнистый «Ми-8». Выше и правее, почти слившись со склоном, шла пара «двадцать четвертых».

– Туман, – Антон торопливо прижал микрофон пальцем, – обозначь место для посадки борта сигнальными огнями!

– Уже сделали, командир, – успокоил его Джин.

День близился к вечеру, когда вымотанные спецназовцы поднялись к месту недавнего боя. Взору открылся стоявший на небольшой, свободной от кустарника и камней площадке вертолет. Около в один ряд лежали тела убитых бандитов. Всего удалось найти четверых. Ниже того места, где недавно стоял остов сторожевой башни, бродили между вывороченными пластами земли сотрудники следственной бригады. Антон разглядел среди них Тумана и Шамана.

Навстречу вышел Михаил Гусев.

– Ну чего вы там, мужики?

– Работу тебе тащим, – выдохнул Дрон, сгибаясь под тяжестью так и не пришедшего в себя бандита.

– Ее как раз мне и не хватало, – устало проговорил Гусев.

Прилетевший вместе со следственной бригадой старший лейтенант военной контрразведки изрядно измотался за время командировки, во время которой решал какие-то свои задачи, и теперь изнемогал от усталости. Коренастый молодой мужчина отвечал за межведомственное взаимодействие, организовывал в случае необходимости обмен информацией, обеспечивал при работе с населением оперативное прикрытие.

Антон быстро ввел Гусева в курс дела. Хотя он уже представлял общую картину исходя из разговора с Туманом и Джином.

– Значит, здесь был тайник, – задумчиво проговорил Гусев.

– Возможно, они прятали в этом месте награбленное, либо это был золотой запас для расчета с боевиками, – согласился с ним Антон и огляделся: – А где пленные?

– Вон они, – Туман показал вверх.

Филиппов поднял взгляд и увидел сидевшего на земле Джина. Напротив со связанными за спиной руками на земле лежали трое бандитов.

– Значит, так, – Антон посмотрел на Тумана. – Организуй здесь посильную помощь следователям, а я переговорю с бандитами.

Завидев командира, чеченец поднялся.

– Кто тут у тебя? – Филиппов встал.

– Люди Хаважа. – Джин забросил автомат за спину. – Они вышли на меня и приняли за боевика.

– Шакал! – прошипел один из лежавших.

Антон подошел к нему, поставил на плечо ступню и перевернул на спину:

– Ты смотри!

– На Шамана походит, – догадался, что так поразило Антона, Джин. – Я тоже заметил. Гусев глазами хлопал, думал, я его связал.

– Может, родственник? – на всякий случай спросил Филиппов.

– Ишак его родственник! – прохрипел бандит, уже видевший своего двойника.

– Кто он? – Антон посмотрел на Джина.

– Сапар Асланов. – Джин показал взглядом на контрразведчика: – У него документы.

Антон присел перед боевиком на корточки:

– Зачем сюда шел?

– Грибы собирал, – оскалился бандит.

Антон выпрямился и со всего размаха залепил ему ногой по зубам. Голова бандита откинулась, и он обмяк. Флиппов перешел к следующему. Джин перевернул его за плечо. Этот чеченец был еще совсем молодой.

– Я допросил его, – Джин сплюнул. – Они должны были взять груз и вернуться в отряд. Из-за дождя сбились с пути. Когда уже оставалось совсем немного, услышали звуки боя. Однако Сапар принял решение продолжить путь. Так они на меня и выскочили…

– Они сказали, где отряд Хаважа? – спросил Антон.

– Когда уходили, он стоял недалеко от Агни, – кивнул Джин.

Антон направился к контрразведчику. Гусев сидел на земле, наблюдая из-под прикрытых век за копающимися в земле следователями.

– Устал? – Филиппов уселся рядом.

– Есть немного, – скромно ответил Гусев. – Тут среди трупов есть похожий на Шамана бандит.

– Почему среди трупов? – не сразу понял, о чем речь, Антон, но тут же спохватился. – Да, я заметил.

– Если хорошо постараться, можно найти еще кого-то, – продолжил развивать свою мысль дальше контрразведчик.

– Ты знаешь, я уже об этом подумал, – успокоил его Антон.

Он уже решил, что для боевиков, по крайней мере, Сапар Асланов будет просто пропавшим без вести. Возможно, сходство с офицером спецназа пригодится в дальнейшем. Он чувствовал, что это только начало какой-то жесткой игры.

Быстро смеркалось. Уже кто-то из спецназовцев включил фонарь.

– Пора возвращаться, – Гусев посмотрел на часы.

– Поторопи прокурорских, – кивнул Антон и встал.

Стали подходить спецназовцы, которые помогали следователям. Татарин нашел сережку с небольшим камешком, напоминающим рубин. Туман извлек из груды песка снаряд, дно которого было обрезано и имело резьбу. Вся его внутренняя часть была забита песком. Дрон на пару с Гущиным нашли по золотому колечку.

– Ну, как дела, мужики? – прищурив левый глаз от сигаретного дыма, спросил один из прокурорских.

– Хреново, – честно ответил Антон и развернулся к стоявшим кучкой офицерам: – Теперь дошло, что здесь случилось?

– Наполовину, – Дрон попытался натянуть колечко на мизинец, потом снял его, сунул в нагрудный карман. – То, что бандиты приходили сюда за драгоценностями – точно. Только для каких целей и откуда они здесь взялись?

– Что-то намечается, – пробормотал Татарин.

– Интересно, сколько тут было всего? – Банкет упер в бока руки и огляделся.

– Эй, парни! – окликнул из открытых дверей вертолета пилот. – Вы здесь ночевать собираетесь?

Антон задрал голову вверх. Уже вечерело. Действительно, пора возвращаться.

– Все, возвращаемся, – кивнул Антон и подтолкнул в спину Дрона. – По местам!

* * *

Погруженный в свои мысли Тархан Мартагов едва не проскочил поворот на улицу, где жила Кемиса. Он резко надавил на тормоз, повернул руль, однако все же правым зеркалом зацепил забор. Раздался стук, и зеркало покрылось паутиной трещин. Его охватила злость. Это могло быть плохой приметой. Сегодня может снова не получиться то, что он задумал еще месяц назад. Бурно прошедшая ночь давала о себе знать – плохо работала голова. Еще бы, он два раза приходил в комнату Заремы. Первый раз – сразу после Ханпаши. От охватившей Тархана страсти он едва не откусил ей сосок. На какой-то миг Мартагову показалось, что он лежит на Кемисе. Именно эта ночь послужила последним толчком к исполнению его плана. Он завидовал Ханпаше, а до этого – Хусейну. Оба моджахеда были на особом счету у Доку Умарова. Конечно, это положение далось им нелегко, но разве Тархан слаб и не так умен, как они? Мартагов придумал, как стать таким же, как погибший Хусейн или, на худой конец, Ханпаша. Он знал историю о том, как один чеченец по имени Рустам Ганиев стал доверенным лицом самого Басаева. Сейчас его уже нет в живых, но способ, к которому прибег Ганиев, считался классикой и использовался многими боевиками. Рустам жил в Ассиновке. Как-то он прослышал, что Басаев готовит в Москве нападение на «Норд-Ост». Зная, как нужны в таких случаях готовые на все люди, он умудрился уговорить участвовать в акции сразу двух своих сестер, Айшат и Хидижат. Басаев высоко оценил его работу. Хусейн недавно обмолвился, что Доку Умаров настаивает на серьезном ударе перед наступлением холодов. Он утверждал, что федеральная власть расслабилась после ряда успешных операций, проведенных весной и летом этого года. Эмир халифата Кавказ планировал провести ряд крупных акций, в том числе с использованием смертниц. Из-за того, что быстро изменились условия жизни в республике и отношение к семьям шахидов, стало проблемой найти на эту роль людей. Надежды оставались лишь на жен и близких боевиков.

У Тархана тоже была сестра, но лишь по отцу. Звали ее Кемиса. Как ни странно, но юная сестра совсем не по-родственному любила брата. Сначала Тархан делал вид, будто не замечает этого. Тем более он редко навещал Кемису. В основном приезжал, чтобы запастись продуктами, и оставлял для стирки одежду. Но последние две недели коренным образом изменили их отношения. Он стал наведываться чаще, привозил подарки, всем своим видом давая понять, что девушка тоже нравится ему. Было видно, Кемиса на седьмом небе от счастья. Однако была в ее глазах и затаенная грусть. Пусть у них разные матери, но по отцу они брат и сестра.

Сегодня Кемиса была дома одна. Он знал точно. В прошлый приезд ее мать собиралась поехать к сестре в другое селение. Тархан решил добиться ее любой ценой. По пути он

даже остановился у ручья и умылся ледяной водой. Вдруг Кемиса почувствует, что он был с другой женщиной?

Тархан остановил машину у ворот и некоторое время сидел, пытаясь унять дрожь в ногах. Однако Кемиса увидела залитую по самую крышу грязью «Ниву» в окно и открыла ворота. Он заехал во двор.

– Здравствуй, Кемиса! – выбравшись из машины, выдохнул Мартагов.

Девушка закрыла ворота и повернулась к нему:

– Пойдемте в дом.

Тархан разделся в просторной прихожей, сунул за пояс пистолет. Они вошли в комнату, он сел на диван и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки:

– Устал очень.

– Сейчас кушать будем, – засуетилась она.

– Нет, погоди, Кемиса! – испугавшись, что сестра сейчас уйдет из комнаты, Мартагов вскочил со своего места.

– Вы почему так рано приехали? – слегка покраснев, спросила девушка. – Что-то случилось?

– Да! – Тархан часто закивал и стал медленно приближаться к сестре.

– Что с вами? – испугалась девушка. Однако он заметил, что она не стала пятиться от него.

«Правда любит!» – подумал он, а вслух сказал:

– Не могу больше так жить. Устал врать самому себе.

– О чем? – Кемиса потупилась.

– Я же вижу, как ты относишься ко мне, – зашептал он, подойдя почти вплотную. – Поверь, я больше дня не смогу прожить без тебя.

Кемиса затряслась:

– Я знаю. Но что нам делать? Ведь это грех!

– Не бойся, – Тархан взял девушку за руки. – Ты же знаешь, я воюю против чалмоносцев, кафиров и продажных ментов. Это они придумали неправильные законы. Настоящий ислам, который проповедовал пророк Ваххаб, не считает близость любящих людей грехом, кем бы они ни были друг для друга.

– Тархан! – Кемиса сделала слабую попытку оттолкнуть от себя брата, но вместо этого оказалась в его объятиях.

– Ты читала книги, которые я привозил тебе? – слегка касаясь мочки ушка обветренными губами, спросил он. – Мы должны бороться за свое счастье. Что толку глядеть друг на друга?

– Конечно. – Тело девушки трепетало.

– Поверь, это не грех. – Мартагов подхватил ее на руки и понес в комнату, где была ее кровать.

– Я не могу так! – простонала Кемиса.

– Значит, я ошибался? – с горечью в голосе спросил он.

– Нет, я мечтаю об этом, но боюсь! – Она испуганно обвила его шею руками.

Тархан уложил девушку на кровать и стал расстегивать на ней кофточку. Кемиса вдруг обмякла. У него перехватило дыхание, когда он увидел ее большие нежно-розовые соски. Тархан приник к ним губами, а правой рукой взял за низ длинной юбки и потянул ее вверх.

– Грех это, – едва слышно прошептала Кемиса и снова обхватила его шею своими тонкими руками. Была в этом жесте мольба не трогать пока ее тело. То, что не поворачивался сказать язык, она пыталась выразить своими действиями.

– По законам настоящего ислама, который проповедовал пророк Ваххаб, ты ничего не должна бояться, – повторился он…

Через полчаса половина дела была сделана. На белом покрывале девичьей постели появилось алое пятно, а сама Кемиса, стыдливо пряча взгляд, торопливо одевалась.

– Ты не рада? – Мартагов приник губами к ее шее.

– Почему так решил? – дрожащим голосом спросила девушка.

– Тебя всю трясет.

– Вам надо уезжать, скоро вернется мама.

– Да, конечно, – заторопился Тархан, размышляя над тем, как сделать, чтобы весть о произошедшем быстро разнеслась по округе. Конечно, опозоренная Кемиса может сброситься со скалы, которых немало в округе, или ударить себя ножом. Однако он сомневался в этом. Девушка знает, что теперь единственный способ попасть в рай и когда-нибудь встретиться с любимым – это стать «шахидом на пути к Аллаху».

Вскоре он сидел за столом своего друга Зелемхана. Худощавый рыжеволосый чеченец имел свою пассажирскую «Газель» и занимался частным извозом. В основном его просили отвезти в соседнее село или город, привезти что-то.

– Плохо выглядишь ты сегодня, Тархан, – заметил Зелемхан. – Что-то случилось?

– Не знаю, что делать, – наблюдая за тем, как младший брат Зелемхана разливает по чашкам чай, вздохнул Тархан. – Ни для кого в селе не секрет, что Кемиса по отцу мне сестра.

– Все знают об этом. Но что в этом такого?

– Все бы ничего, но не имеем мы права жить с ней как муж и жена, – продолжал Тархан.

– Не живи, – удивился Зелимхан. – Разве тебя заставляют?

– Нравлюсь я ей с самого детства. – Тархан скользнул взглядом по занавеске, за которой была комната, где жена хозяина что-то шила. Потом посмотрел вслед подростку, который понес уже пустой чайник на кухню.

– Это бывает, но можно пережить. Вразуми ее, – посоветовал Зелемхан.

– Ты не понял меня, – Тархан пристально посмотрел в глаза собеседника. – Между нами уже все было…

Глава 3

Сидя на корточках, Зарема стирала куртку Ханпаши и размышляла над своим положением. Теперь она считалась его собственностью. Хотя ею продолжали пользоваться и его дружки. Однако делали они это тихо, без лишнего шума и грубости. Ханпаша делал вид, будто не замечает. Она смирилась. Немаловажную роль в этом сыграл показанный Ханпашой фильм, снятый на любительское видео, о том, как русские солдаты насиловали чеченку. Средних лет женщине действительно не повезло. Хотя качество записи было очень плохим да и многие сцены ставили под сомнение правдивость сюжета, все равно это произвело впечатление. У Заремы положение лучше. Чеченские мужчины – это сверхлюди. Они чище, светлее, благороднее. К тому же они одной с ней веры, и если это происходит, значит, на то воля Аллаха.

Вчера ее перевезли в Ингушетию. Здесь они поселились в красивом, кирпичном доме. Ей дали небольшую комнату. Мужчины приходили к ней по-прежнему часто. Ноги и низ живота болели. Но она смирилась с этим. Главное, ее не били. Просто они делали свое дело и уходили. Зарема шла, умывалась и начинала заниматься хозяйством. Все, что происходило с ней, было наказанием за грех, который она совершила с родственником. Значит, надо терпеть. В доме была душевая, но хозяева наотрез отказали ей посещать ее. Оно и немудрено, ведь Зарема падшая и грязная женщина. Ей приходилось греть воду и уходить за дом. И все равно у этой жизни были свои радости. Она случайно нашла в столе книжку, на которой не было обложки и нескольких первых страниц. Когда выдавалась свободная минута, Зарема читала. Книжка была про трагическую любовь приехавших в большой город мужчины и женщины. Еще она читала Коран. Его принес и положил на столик Ханпаша. Когда он входил, у нее все сжималось в груди. Она боялась этого человека. Ей был противен запах его тела, пыхтенье и стоны, когда он овладевал ею. А еще он сильно потел, отчего становился скользким.

Зарема выжала куртку, встряхнула ее и повесила на веревку. Потом взяла таз и понесла в дальнюю часть сада, где была яма.

Неожиданно дорогу ей перегородил Лемма. Подростку было не больше шестнадцати. Но он был выше ее ростом. Она давно заметила, как он жадно изучает взглядом ее фигуру. Сегодня Ханпаша со своими людьми уехал до вечера в Назрань. Она знала об этом и слышала, как Лемме было приказано приглядывать за ней.

– Выльешь воду, зайдешь в дом, – лаконично сказал юноша и прошел мимо.

Она проводила его нескладную фигуру взглядом и направилась дальше. Прополоскав таз, вытерла руки и нерешительно прошла на веранду.

– Ты знаешь, зачем я позвал тебя? – стараясь придать голосу мужественности, спросил юноша, смешно хмуря брови.

– Нет, конечно, – глядя в пол, ответила она тихим голосом.

– К соседу приехал человек, который интересуется тобой, – объявил парень. – Его зовут Ислам. Он хочет узнать о тебе правду и рассказать в вашем селе, какую дочь воспитали твои родители.

– Зачем это надо, если там и так все известно? – почти шепотом спросила Зарема, уверенная, что он врет.

– Твой отец чем-то насолил его дяде, и так он хочет опозорить его, – пояснил подросток.

– Что мне делать? – боясь возражать юноше, она сделала вид, будто поверила.

– Я ничего не сказал ему, – неожиданно голос парня задрожал и сорвался на фальцет. – Но он пробудет до вечера, и я могу передумать.

– Чего ты хочешь от меня? – уже догадавшись, какой будет ответ, испуганно спросила Зарема.

– Разве ты не понимаешь? – смешно хмуря брови, спросил Лемма.

– Но ведь ты еще совсем ребенок! – едва не зарыдав, выдавила из себя Зарема. – Тем более Ханпаша…

– Я мужчина! – крикнул Лемма уже совсем по-детски. – А если ты будешь молчать, то Ханпаша ничего не узнает.

Она стояла, понурив голову. Теперь ее хочет изнасиловать почти ребенок. Лучше бы она умерла!

Между тем он нерешительно подошел к ней, взял за руку и повел в дом. Оказавшись в комнате, отпустил, остался стоять в дверях и стал страшно сопеть. Его руки тряслись.

Зарема подошла к кровати, встала лицом к окну и начала медленно расстегивать пуговички. Раздевшись догола, легла на спину и закрыла глаза. Приближение юноши она почувствовала по прерывистому дыханию. Он неумело поцеловал ее в шею. Потом долго и неуклюже тыкался в низ живота.

– Ты когда-нибудь делал это? – не выдержала и спросила она, когда, так и не войдя нее, он кончил.

– Да, – охрипшим от волнения голосом сказал он, продолжая лежать на ней. – Так просто бывает со многими мужчинами. Я знаю…

Неожиданно она зажмурилась от боли. Он быстро и ловко вошел в нее…

Вечером приехал Ханпаша. Он со своими друзьями прошел в столовую. К этому времени вернулись из соседнего селения родители Леммы и приготовили ужин. Зарема сидела в темной комнате и тряслась от страха, представляя сейчас состояние юноши. Он наверняка прячет взгляд, отвечает на вопросы взрослых невпопад. Если это так, то Ханпаша обо всем догадается и убьет ее. Как таковая, смерть ее уже не пугала. Страшило то, что придется пережить в ожидании ее. Она, как и любая другая женщина, боялась боли. А над ней наверняка будут долго издеваться. «А что, если после всего Ханпаша расправится с Леммой?» – с ужасом подумала она и вздрогнула от вспыхнувшего в комнате света.

– Что с тобой? – брезгливо морщась, спросила старуха и поставила на стол миску с едой и чай. – Ты допрыгнула до потолка, когда я вошла.

– Задумалась и не ожидала, – прошептала, теребя платье, Зарема. – Поэтому испугалась.

– Тебе надо смыть свой позор кровью, – неожиданно проговорила старуха и вышла.

Зарема медленно, не чувствуя вкуса, съела кусочек баранины, сыра, выпила чаю.

Вошел Ханпаша.

– Покушала?

Она кивнула.

– Ешь, тебе много сил надо, – назидательно сказал он. – Я устаю днем, поэтому ночью ты должна помогать мне хорошо отдыхать.

Неожиданно к горлу Заремы подступил тошнотворный ком. Она вскочила и бросилась прочь из комнаты. Едва молодая женщина оказалась во дворе, как ее вырвало. Тело покрыла испарина. Она приложила к животу ладонь.

– Неужели?.. – На глаза навернулись слезы.

Послышался шум, и на крыльцо вышли сразу несколько человек.

– Беременная она, – проскрипела старуха.

– Ты уверена? – раздался голос Ханпаши.

– Конечно, – с придыханием заговорила старуха. – Надо аборт делать.

– Как? – одними губами спросила Зарема.

– Грех такому ребенку давать возможность на свет появляться, – словно расслышав ее вопрос, продолжала старуха. – Не мне тебе советовать, но последнее слово за эмиром. Спроси его. Если скажет сделать аборт, я поговорю с кем надо, и тебя избавят от ребенка.

Уже в полночь Зарема лежала на покрытом холодной клеенкой столе, с ужасом наблюдая, как уже немолодая, с уставшим лицом женщина гремит инструментом. Фельдшерско-акушерского пункта в окрестных селениях не было. Фатима делала аборты у себя на дому, в специально оборудованной пристройке. Да и редкость это для кавказской республики. В основном через ее импровизированную операционную прошли уезжавшие из Чечни после первой кампании снайперши из Прибалтики и русские женщины, собиравшиеся навсегда покинуть республику и не желавшие везти в Россию память об очередном насильнике. Но чаще всего здесь зашивали и возвращали в строй обычных моджахедов. Фатима была мастером на все руки. Помогала ей во всем уже престарелая медсестра, которая жила по соседству.

Зарему стал бить озноб. В это время медсестра подошла к изголовью, взяла сухими и сильными ладонями голову Заремы и вынудила смотреть в потолок. Бедной девушке казалось, что она сейчас умрет от страха. А между тем ей ловко разжали челюсти и вставили в рот палку из твердой резины. В это время Фатима сделала в руку укол. Сразу все поплыло…

* * *

Устроившись в кабинете начальника разведки комендатуры, Антон занимался бумагами. Нужно было написать подробный отчет об операции, составить акт списания боеприпасов. Сам подготовил материалы расследования по факту полученной Банкетом травмы, куда приобщил и объяснительную майора. Раньше его злило бумаготворчество, но постепенно привык, хотя в глубине души мечтал о введении в группе должности начальника штаба или что-то в этом роде. Под утро он задремал за столом. Когда уже рассвело, Антон, с трудом передвигая ноги, вернулся в казарму. Спецназовцы к этому времени встали. Половина умывалась, другая заправляла кровати. Едва Антон успел сбросить с себя разгрузочный жилет, как вошел Шаман и показал взглядом на двери:

– Гайрбек пришел.

– А кто его приглашал? – вспылил Антон, но тут же взял себя в руки. – Пусть пройдет.

Тяжело было узнать в вошедшем человеке подвергшегося накануне истязаниям оперативника. Лицо старшего лейтенанта походило на подушку, сшитую из разноцветных лоскутов, на котором с трудом угадывались глаза, нос и рот.

– Зачем пришел? – строго спросил Антон. – Решил убедиться, правду тебе вчера сказали или нет?

– Другая причина есть, – придерживая рукой левый бок, куда двинул накануне прикладом Шаман, ответил оперативник.

– Так зачем вообще сюда в таком виде приперся? – вспылил Дрон. – У тебя же вместо лица синяя задница…

– Всем говорил, что русские били, иду к коменданту, жаловаться.

– Умно, – Филиппов тряхнул головой. – Сейчас здесь соберется половина селения и начнет все крушить.

– Не соберется, – уверенно заявил Гайрбек. – Сказал, вы из леса пришли, вместе с моджахедами.

– Жена поверила, что бежал?

Чеченец улыбнулся разбитыми губами:

– Как чеченка может не поверить мужу?

– Присядь, – Антон показал взглядом на кровать напротив.

– Вы, правда, меня в Москву возьмете? – спросил Гайрбек.

– Мы скажем тебе то, что необходимо, когда придет время, – ответил Антон, разглядывая следы побоев.

– Не обижайся, командир, – Гайрбек вздохнул и поморщился. – Пришел я к тебе вот по какому вопросу. Вчера, я слышал, был бой, в котором погиб Хусейн Вадалов.

– Быстро у вас информация расходится, – снимая ботинок, с усмешкой проговорил Антон. – А ты его откуда знаешь?

– Эту собаку многие чеченцы знают, – уклончиво ответил Гайрбек.

– Нет, брат, – Антон отказался от мысли распутывать мокрый шнурок и поставил ногу на пол. – У нас или не говорят вообще, или выкладывают все до конца.

– Понял тебя, – Гайрбек покосился на сидевшего за столом Банкета, который выполнял функции охранника и дежурного одновременно.

– Говори, не косись по сторонам, – подбодрил собеседника Антон.

– Этот Хусейн в начале осени сбежал со своей двоюродной сестрой в горы, – ошарашил Гайрбек. – Они как муж и жена хотели жить. У нас это большой грех.

– Это не только у вас грех, – хмыкнул лежавший на спине Дрон. – В любой вере. Даже у дикарей за это на кол сажают. Инцест называется. У таких пар, как правило, дети уродами рождаются.

– Так Аллах наказывает за грехи, – закивал Гайрбек.

– Ну, про бога нам тут не надо, он у нас здесь у каждого свой, – ломая голову над тем, чего хочет Гайрбек, сказал Антон.

– Я в милиции работаю недавно, но опыт у меня есть, – не без гордости продолжал чеченец. – Кажется мне, не было там никакой любви. Просто Хусейн очень хитрый был. Он решил опозорить Зарему, чтобы ее потом семья не приняла. После этого нетрудно женщину заставить смыть свой позор кровью.

– Так вот ты к чему клонишь! – Антон вновь взялся расшнуровывать ботинок. – И где, ты думаешь, сейчас его сестричка?

– Это одному Аллаху известно, – грустно проговорил Гайрбек. – Но то, что на моей родине появилась еще одна женщина, которая скоро станет шахидкой, знаю теперь точно. Тем более Хусейн умер.

Антон развернулся и толкнул в плечо спящего на соседней кровати Михаила Гусева.

– Я все слышал, – прохрипел, не открывая глаз, контрразведчик.

– Так чего лежишь? – удивился Антон.

– А мне что, искать теперь ее? – удивился он.

– Вали в селение, где она жила, собери информацию. Главное – фотографии.

– Черт, – Гусев резко сел и потер руками лицо. – Совсем башка не варит. Извини, Антоха. Только мне машина нужна…

– Комендант даст тебе бронетранспортер. Кроме людей, которых он для сопровождения выделит, прихватишь с собой Гущина. Переводчиком возьми Джина. Он быстро найдет с земляками общий язык. Не знаю, как там у вас, а для нас интересно все, даже чем эта дамочка болела в детстве.

Гусев встал и направился к выходу.

– А теперь, что касается тебя, дорогой. – Филиппов, наконец, стянул ботинок, с удовольствием пошевелил в промокшем носке пальцами и поднял взгляд на Гайрбека. – Иди сейчас домой и сиди как мышка. Всем говори, что после такой ночи из милиции уходишь…

– Я разве похож на труса? – попытался возмутиться Гайрбек. – Что родственники скажут?

– Пусть что хотят говорят и думают, – вмешался Шаман. – Напишешь рапорт, уйдешь из милиции и уедешь на заработки в Москву. Вот твоя легенда. Понял?

– Теперь понял, – кивнул Гайрбек.

– И имей в виду, впереди тебя ждут еще экзамены, – добавил Антон.

– Тоже бить будут? – усмехнулся разбитыми губами Гайрбек.

– Татарин! – позвал Антон доктора группы.

– Здесь я, – раздетый по пояс Ринат Гайнулин сидел на кровати у стены.

– Посмотри его. Может, вчера перестарались да поломали чего, – приказал Антон.

– Иди сюда, дорогой, – усмехнулся Татарин, наклонился и выдвинул из-под кровати ящик с медицинским оборудованием.

– Я не все сказал, – заторопился Гайрбек. – Слухи ходят, будто Хусейн был одним из немногих, кто знал, где устроен тайник, куда еще при Дудаеве прятали ценности. Но у него была лишь половина карты. Главный ключ Доку держал в голове. Он отправил к Хусейну человека, которому доверял. Тот знал вторую часть секрета.

– Прямо как у Дюма, – хмыкнул Дрон. – Чтобы добраться до сокровищ, надо сложить две половины карты…

Поставив задачи, Антон лег спать. Проснулся лишь к обеду. К этому времени вернулись Шаман и Джин. Офицеры-чеченцы «нарыли» немало интересного. Выдавая себя за представителей тейпа, который ищет родственников Хусейна, чтобы те держали перед ними ответ за его непристойные дела, они приехали в Дай и плотно пообщались с местным населением. К вечеру удалось собрать максимум интересной информации, касающейся исчезнувших Заремы и Хусейна Вадалова. Хусейн был одержим войной. Пару лет назад он поклялся на могиле убитого брата воевать до победы. Этот человек был одним из приближенных к Доку Умарову людей и очень гордился своим положением. Между тем все сильнее разгоралась вспыхнувшая между ним и двоюродной сестрой страсть. Родственники были в панике, но никто не мог повлиять на рослого, не знающего жалости после гибели брата Хусейна. Отец и дед у него давно умерли. Парень привык полагаться только на себя. Тетя Заремы сделала робкую попытку отыскать Доку, пока тот был еще здоров, и попросить уговорить Хусейна отказаться от Заремы, но едва не поплатилась за это жизнью. Хусейн относился к той редкой категории чеченцев, которые воевали не за деньги, а за идею великой Чечни от моря до моря. Этими же идеями прониклась и Зарема.

– Что мы имеем, – нарушил тишину Дрон. – Хусейн убит, и его возлюбленная об этом уже наверняка знает. – Он сел на кровати. – Поэтому не исключаю, что в данный момент эта местная Жанна д’Арк уже несется на забитом взрывчаткой грузовике к какому-нибудь посту милиции…

– Типун тебе на язык, – проворчал Банкет. – Почему они, по-твоему, откапывали свои сокровища?

– С финансами у боевиков напряг, – на секунду задумавшись, ответил Василий. – Чего тут непонятного?

– А может, просто решили вовсе из страны свалить? – выдвинул предположение все это время молчавший Ермаков, которому с легкой руки Дрона уже присвоили позывной Ермак.

– Вот так вот, всей толпой? – с иронией спросил Татарин.

Он сидел на стуле и подшивал куском зеленого цвета материи воротничок.

– Задача следующая, – Антон встал и прошел между рядами кроватей, – найти Зарему или людей, которые могут знать о дальнейших планах боевиков в отношении нее.

Сказав это, он многозначительно посмотрел на Джина и Шамана.

– Тяжело это будет сделать, – цокнул языком Шаман.

– Хорошо, под мою ответственность подключайте к работе Гайрбека. Я попытаюсь убедить генерала оказать содействие и включить его в состав группы. Но, – он поднял указательный палец вверх, – особенностей нашей работы пока не раскрывать, в подробности

не вдаваться. Будет достаточно его опыта как оперуполномоченного МВД. А то подготовим еще одного ниндзя, а он потом найдет способ, как воспользоваться знаниями.

– Мы хорошо пытали его, – возразил Джин. – Он крепкий мужчина.

– Деньги многих делают мягкими, – резонно заметил Дрон. – Может, он просто ждал, что вы предложите больше?

* * *

Весь следующий день Зарема не вставала с постели. Сны приходили на мгновение. Она видела что-то страшное и тут же просыпалась в холодном поту. Но надо отдать должное Фатиме, она знала свое дело. Зарема чувствовала, что хуже ей не становится. Она строго соблюдала все предписания докторши. Вовремя пила таблетки, а старуха делала ей уколы. Где этому научилась хозяйка дома, оставалось только гадать. Но спрашивать Зарема не хотела. Был в Чечне и Ингушетии период, когда каждый выживал, как мог. Многому тогда научились люди.

На следующее утро, с трудом одевшись, Зарема вышла на улицу. Со скучающим видом в углу лежал громадный старый пес. Шерсть на нем висела клочками, а взгляд был грустным. Он привык, что в доме всегда много людей, и не лаял даже на чужих. Это развеселило Зарему.

– Ожила, – раздался голос Ханпаши.

Молодая женщина обернулась. Она не сразу узнала в чисто выбритом мужчине с прыщавым лицом своего нового мужа. Ханпаша не только побрился, но и подстригся. В черном костюме он совсем не походил на того жестокого бандита, который даже не дал ей оплакать Хусейна, а сразу стал удовлетворять свои животные потребности.

– Долго мы еще будем здесь жить? – глядя на его начищенные до блеска туфли, спросила она.

– Тебе не нравится? – на полном серьезе спросил Ханпаша.

– Я устала, – призналась Зарема.

– Ты хочешь смыть со своей семьи позор? – Он склонил голову набок.

Отчего-то Зарема вдруг вспомнила глаза собаки. «Я умру, а это животное еще будет жить», – с тоской подумала она и кивнула:

– А разве у меня есть выбор?

– Выбор всегда есть, – уже более мягким голосом заговорил Ханпаша. – Оставайся моей женой. Будем жить в лесу, убивать неверных.

– Нет, – Зарема покачала головой. – Я не могу быть твоей. Тем более это ненадолго.

– К чему ты клонишь? – нахмурился Ханпаша. – Намекаешь, что скоро меня убьют?

– Не только, – наполовину подтвердила его предположение Зарема. – Как все кончится, ты поспешишь избавиться от меня, а в жены возьмешь невинную девушку. К тому же здесь я не только твоя. Мне пришлось познать не по своей воле всех мужчин, которые живут в доме.

– Тогда собирайся. – Лицо Ханпаши стало злым. – Сейчас хозяйка нагреет воды, ты умоешься. Вечером нам надо быть в Нальчике.

К удивлению Заремы, ей разрешили воспользоваться душевой кабиной. Она испытала настоящее наслаждение. Но еще больше шокировала ее новая одежда. Зарема никогда так не одевалась. Все было только из магазина. По всей видимости, у хозяев дома была родственница, имевшая фигуру Заремы. Ей идеально подошли платье и туфельки. Она растерялась, когда на плечо набросили ремешок небольшой дамской сумочки. Как ее носить?

Когда старуха вышла, Зарема посмотрела на себя в зеркало и ахнула.

«Неужели такая красивая женщина должна умереть? – мелькнула мысль. – Не родив детей, не познав простого женского счастья».

Зарема тихо прошла в свою комнату и стала ждать. Несколько раз она вставала, проходила из угла в угол, пытаясь подражать женщинам, которых видела по телевизору. Да и в их селении были модницы.

Грохот входных дверей заставил молодую женщину замереть на середине комнаты.

– Слушай, а ты как фотомодель! – не без восхищения прохрипел Ханпаша, разглядывая ее со всех сторон. – Ладно, пошли. Надо торопиться.

За воротами стояла «Волга». Ханпаша, словно издеваясь, любезно открыл перед ней заднюю дверцу. Она села. Он устроился впереди, рядом с водителем. Не говоря ни слова, тот завел двигатель, и они медленно покатились по извилистой, гравийной дороге. Впрочем, вскоре въехали на асфальт. Ханпаша развернулся на сиденье:

– Ты смотрела, что у тебя в сумке лежит?

– Нет, – растерялась Зарема.

– Посмотри.

Она с трудом справилась с замочками в виде двух никелированных шариков. Внутри оказался паспорт с ее фотографией, но с другим именем и фамилией, несколько купюр по пять тысяч рублей, губная помада и небольшое зеркальце.

– В боковом кармане сотовый телефон, – уточнил Ханпаша и сел прямо. – Скоро тебя научат им пользоваться. Так надо.

Около двух часов ехали молча. На трех из четырех постов «Волгу» останавливали милиционеры. Проверяли документы, заглядывали в салон, просили открыть багажник. Но делалось это с какой-то ленцой, словно единообразная, рутинная работа набила им оскомину. Водитель терпеливо выполнял все требования, был спокоен, а иногда даже шутил с сотрудниками. Было заметно, он часто ездит по этому маршруту.

В Нальчик они приехали, когда солнце уже собиралось спрятаться за окружавшими город вершинами гор. Во дворе построенной лет двадцать назад высотки их поджидал высокий светловолосый парень с маленькой собачкой на поводке. Он встретил Ханпашу как старого знакомого. Они с минуту поговорили, после чего блондин представился Виталием и предложил Зареме подняться к нему домой. Ханпаша тут же сел в машину и уехал. Зареме ничего не оставалось делать, как подчиниться. Виталий жил на шестом этаже. Зарема впервые с ужасом вошла в кабинку лифта. Пол качнулся, и она присела. Но Виталий подумал, что ей просто захотелось погладить собачку, и не придал этому значения.

Они вошли в скромно обставленную квартиру. В комнате был диван, на котором валялись подушка и одеяло, большой телевизор и шкаф. На журнальном столике светился экран ноутбука.

– Вы один живете? – робко спросила Зарема.

– Нет, с Дуськой, – на полном серьезе ответил Виталий.

– Это жену так зовут?

– Собаку, – пояснил он. – Если нужна ванна, то полотенце найдешь в шкафу. Я пойду, приготовлю что-нибудь поесть. Рашид сказал, что ты не ела с утра.

– Какой Рашид?

– Как какой? – Парень остановился в дверях. – Который привез тебя сюда. Хотя, – он махнул рукой, – у вас свои обычаи.

– А зачем он привез меня к вам? – собравшись с духом, спросила Зарема. Она ровным счетом ничего не понимала. Почему Ханпаша обманул Виталия и назвался другим именем? Может, просто они оба делают это в целях конспирации?

Неожиданно Зарема почувствовала, как по внутренней части бедра что-то стекло на пол. Она ощупала платье и с ужасом обнаружила, что сзади оно все промокло. Давали о себе знать последствия состоявшейся накануне операции. Хотя перед тем, как сесть в машину, Зарема приняла меры предосторожности.

– У вас есть старая ненужная простыня? – пряча взгляд, спросила Зарема.

– Зачем? – удивился парень.

– Надо. – К горлу женщины подступил комок.

– А-аа, – протянул Виталий, – так бы сразу и сказала. Я сейчас в аптеку сбегаю.

– Там что, простыни продают? – часто заморгала глазами Зарема.

– Тебя, наверное, совсем недавно в горах отловили, – повеселел Виталий. – Не дрейфь, красавица. Кое-что в женских делах я понимаю и сейчас принесу тебе все необходимое.

– Не надо! – ужаснулась она.

– Да эти ваши штучки с утра и до вечера по телевизору рекламируют, поэтому любой мужик уже не хуже женщин в них разбирается! – хохотнул Виталий и направился в прихожую.

Вечером они пили чай с лимоном и смотрели телевизор. Странно, но на душе Заремы было легко и спокойно. Может, от того, что она выбрала свой путь и скоро очистится от грехов? А может, просто почувствовала себя немного человеком? Совсем чуточку.

* * *

Подпрыгивая на выступающих из земли камнях, «УАЗ» скатился в ложбину. По корпусу застучали и заскребли ветви росших у обочины деревьев. Впереди забелели шифером крыши домов.

– Вот это селение, – раздался сзади голос Гайрбека.

– Сестра жены живет далеко от окраины? – спросил сидевший на переднем сиденье Джин, когда они въехали на улицу.

– Почему спрашиваешь? – насторожился Гайрбек. Его лицо еще было в ссадинах, но синева почти прошла.

– Потому что хочу знать, – лаконично пояснил Джин, помня наставления Антона об обращении с милиционером.

– Третий дом отсюда, – Гайрбек показал рукой на высокий металлический забор.

– Подъезжай к воротам, – Антон оглядел улицу. – Я и Шаман останемся в машине, а вы пойдете говорить.

С этими словами он достал из нагрудного кармана фотографии Заремы и протянул через спинку сиденья Джину:

– Держи.

В доме девушки почти не было фотографий. Эти снимки делались на паспорт. Один из них за ночь увеличили и размножили.

Гайрбек с Джином вернулись быстро. По их лицам было видно, что и здесь они ничего не узнали.

– Ходят слухи, что в окрестностях бродит банда, и в ней появилась женщина, – возвращая фотографию Заремы Антону, заговорил Гайрбек. – Будто бы жена главаря.

– И все? – окончательно расстроился Антон.

Вместо ответа милиционер кивнул.

Шаман повернул ключ зажигания. Стартер издал звук расстроенной скрипки. Все напряглись. Транспортом спецназовцев обеспечил начальник разведки комендатуры. Он отдал свой «УАЗ», на котором военные номера сменили на гражданские, поменяли капот, установив от аналогичного внедорожника, но другого, песочного цвета, и закрепили мятое крыло. Залитый по самую крышу грязью автомобиль с пробитым глушителем и специально заправленный купленным у «самогонщиков» бензином теперь нельзя было ни за что узнать. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: его хозяин много и небрежно ездит. Каждый

запуск двигателя проходил с трудом. Но и на этот раз, капризно фыркнув, машина завелась. Они выехали за село и встали. Нужно было решить, как быть дальше.

Поначалу Антон считал, что им быстро удастся установить место, где жила Зарема, и ухватиться за ниточки, которые приведут к ней. Он недолго думал, с чего начать поиски пропавшей девушки. До развалин сторожевой башни бандиты Хусейна шли пешком. Значит, жили где-то поблизости, в лесу. Машин рядом обнаружено также не было. Да и откуда им там было взяться, если за неделю до этого завалило идущую вдоль реки дорогу? Из этого следовало, что Зарема с Хусейном могли скрываться в одном из ближайших сел. Однако эта информация не подтвердилась. Спецназовцы объехали их, поговорили с местными жителями, показали фотографию. Причем в каждом случае действовали по-разному. Где-то Гайрбек представлялся настоящим милиционером, а где-то Джин и Шаман выдавали себя за бандитов. Конечно, они не бряцали оружием, не размахивали пистолетами. Времена уже были не те. Просто с их характерной для моджахедов внешностью и манерой говорить люди не могли подумать по-другому. Со своей стороны этим же занимался и Гусев. Но и у него не было никаких результатов.

– Ну что, братцы-кролики, – Антон посмотрел на часы, – все возможные места их появления обследованы. Другой вопрос, правду ли нам здесь говорили или нет, но выходит, что и Зарема жила в лесу.

– Даже если нам удастся найти блиндаж, где они прятались, это уже ничего не даст, – постукивая пальцами по рулевому колесу, заговорил Шаман. – Там давно остыли нары…

– А если погибли не все? – не унимался Джин. – Кто-то же должен был остаться охранять схрон. В нем могли быть раненые…

– Могли, – согласился Филиппов. – Но что это дает? Мы сами опростоволосились. Из банды Хусейна никого живого не осталось. Даже допросить некого.

– Кто знал, что весь аул в реку уйдет? – Джин почесал заросший подбородок.

– Сколько они встречались с Хусейном? – сам себя задумчиво спросил Гайрбек и тут же ответил на свой вопрос: – Больше двух месяцев жили вместе.

– К чему ты клонишь? – оживился Антон, почувствовав, что милиционер ухватился за какую-то ниточку.

– Хусейн погиб, кому она нужна с ребенком? – продолжал развивать свою мысль Гайрбек. – У нас в таких случаях у женщины после родов ребенка родственники мужа забирают. Но это не тот случай. Они в грехе жили. Ее мать – тетя Хусейна. Зачем тогда ждать, когда родит? – Он цокнул языком. – Нет, ей мстить надо.

– Кого родит? Кто? – не понял Антон.

– Если она станет шахидкой, эмир заставит ее сделать аборт, – пояснил милиционер. – Я знаю, кто этим занимается. Надо ехать в Ингушетию. Есть там доктор, зовут Фатима. К ней и чеченки ездят, хотя у нас подобный грех большая редкость.

– С момента гибели Хусейна прошла неделя, – проговорил Джин. – Ее как раз успели убедить, что место жены рядом с мужем…

– Тогда она уже успела там побывать, – заволновался Шаман.

– Или собирается туда, – согласился Джин.

– Значит, едем в Ингушетию? – Шаман посмотрел на Антона в зеркало заднего вида.

– С вашей внешностью проблемы на постах будут, – размышляя над предложением, ответил Антон. – А предупреждать заранее – все провалить.

– Я сяду за руль, – неожиданно предложил Гайрбек. – Все же действующий сотрудник милиции. Документы у меня в порядке. Да и многих я знаю, кто дежурит на блокпостах.

– Твои в ОВД в случае запроса что ответят? – насторожился Антон.

– Так ведь меня еще не уволили, – повеселел Гайрбек. – Все надеются, что передумаю.

– А сейчас скажут, что и вовсе похитили, – сокрушенно вздохнул Антон.

– Ничего не будет, – заверил Гайрбек. – На каждом посту есть телефон. В крайнем случае позвоню начальнику. Скажу, гости приезжали, решил проводить…

К селу, где располагался полулегальный фельдшерско-акушерский пункт, подъехали уже в сумерках. Без труда нашли дом из красного кирпича, скрытый высоким железным забором.

Джин вышел из машины и надавил на кнопку звонка. Во дворе вспыхнул свет, послышались шаркающие шаги, звякнула щеколда, и открылась небольшая калитка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.